

Мятеж на «Эльсиноре»

Автор:

Джек Лондон

Мятеж на «Эльсиноре»

Джек Лондон

Причудливо и парадоксально сложилось для героя романа «Мятеж на “Эльсиноре”» Джона Патгерста морское путешествие, предпринятое им, чтобы развеять светскую скуку: бурные события круто изменили его жизнь.

Джек Лондон

Мятеж на «Эльсиноре»

* * *

Глава I

С самого начала путешествие не предвещало ничего доброго. Поднятый с постели в холодное мартовское утро (на дворе был лютый мороз), я вышел из моего отеля, проехал Балтимору и явился на пристань как раз вовремя. В девять часов катер должен был перевезти меня через бухту и доставить на борт «Эльсиноры», и я, промерзший насквозь, сидел в моем таксомоторе и с возрастающим раздражением ждал. На наружном сиденье ежились от холода шофер и мой Вада, при температуре, пожалуй, еще на полградуса пониже, чем

внутри. А катер все не показывался.

Поссум, щенок фокстерьер, легкомысленно навязанный мне Гольбрэтом, скулил и дрожал под моим теплым пальто и меховым плащом и ни за что не хотел уgomониться. Он не умолкая визжал и царапался, стараясь вырваться на свободу. Но стоило ему высунуть мордочку и почувствовать укусы мороза, как он снова и так же настойчиво принимался визжать и царапаться, заявляя о своем желании вернуться в тепло.

Этот непрекращающийся визг и беспокойная возня действовали отнюдь не успокоительно на мои натянутые нервы. Начать с того, что этот зверек нимало не был мне интересен. Я его не знал и не питал к нему нежных чувств. Несколько раз, утомленный ожиданием, я был уже готов отдать его шоферу. А один раз, когда мимо нас проходили две девочки (должно быть, дочери смотрителя пристани), я потянулся было к дверце мотора, чтобы позвать их и презентовать им это несносное, скулящее существо.

Этот прощальный подарок Гольбрэта привезен был из Нью-Йорка экспрессом и явился в мой отель сюрпризом накануне ночью. Обычная манера Гольбрэта. Что стоило ему поступить прилично, как все люди, и прислать мне фруктов или... даже цветов. Так нет же: дружеские чувства его любящего сердца непременно должны были выразиться в образе визжащего, тывкающего двухмесячного щенка.

Черт бы побрал эту собаку! Черт бы побрал и Гольбрэта! И, замерзая в моем моторе на этой проклятой пристани, открытой всем ветрам, я заодно проклинал и себя, и сумасбродную свою затею объехать на парусном судне вокруг мыса Горна.

Около десяти часов на пристань явился пешком неопиcуемого вида юноша с каким-то свертком в руках, который через несколько минут был передан мне смотрителем пристани. «Это для лоцмана», – сказал он и дал шоферу указание, как добраться до другой пристани, откуда через неопределенное время меня должны будут доставить на «Эльсинору» другим катером. Это только усилило мое раздражение. Почему же не уведомили меня об этом раньше?

Через час, когда я все еще сидел в автомобиле, но уже на другой пристани, явился наконец лоцман. Я не мог себе представить ничего менее похожего на

лоцмана. Передо мной стоял никак уж не сын моря в синей куртке, с обветренным лицом, а сладкоречивый джентльмен, чистейший тип преуспевающего дельца, каких можно встретить в каждом клубе. Он тотчас же представился мне, и я предложил ему место в моем промерзшем моторе рядом с Поссумом и моим багажом. Перемена в расписании произошла по распоряжению капитана Уэста – вот все, что было известно ему. Впрочем, он полагал, что парходик придет за нами рано или поздно.

И он пришел в час дня, после того, как я был принужден прождать на морозе четыре убийственных часа. За это время я окончательно решил, что возненавижу капитана Уэста. Правда, мы с ним ни разу еще не встречались, но его обращение со мной с самого начала было по меньшей мере развязно. Еще в то время, когда «Эльсинора», вскоре по прибытии из Калифорнии с грузом ячменя, стояла в бассейне Эри, я приезжал из Нью-Йорка нарочно, чтобы ознакомиться с судном, которому предстояло много месяцев быть моим домом. Я пришел в восторг и от судна, и от устройства кают. Вполне удовлетворяла меня и предназначенная мне офицерская каюта, оказавшаяся даже просторнее, чем я ожидал. Но когда я заглянул в каюту капитана, то был поражен царившим в ней комфортом – достаточно упомянуть, что дверь из нее открывалась прямо в ванную и что в числе удобной мебели там стояла большая бронзовая кровать, присутствие которой никак нельзя было подозревать на судне дальнего плавания.

Естественно, я решил, что и эта ванная, и эта чудная кровать должны быть моими. Когда я попросил моих агентов уладить это дело по соглашению с капитаном, они, как мне показалось, смутились и не выразили ни малейшей готовности исполнить мою просьбу.

– Я не имею понятия, во сколько это мне обойдется, но это неважно, – сказал я. – Полторацта долларов или пятьсот – все равно: я готов заплатить, если мне отдадут эту каюту.

Мои агенты Гаррисон и Грэй посоветовались между собою и затем высказались в том смысле, что едва ли капитан Уэст пойдет на эту сделку.

– В первый раз слышу о таком капитане морского судна, который может на это не согласиться, – заявил я с убеждением. – Капитаны всех атлантических линий постоянно продают свои каюты.

– Но капитан Уэст не из тех, которые служат на атлантических линиях, – заметил мягко мистер Гаррисон.

– Не забывайте, что мне придется много месяцев прожить на судне, – возразил я. – Ну, предложите ему тысячу, если нужно.

– Попробуем, – сказал мистер Грэй. – Но предупреждаем: не слишком полагайтесь на результат наших попыток. Капитан Уэст в данный момент в Сирспорте, и мы сегодня же напишем ему.

Спустя несколько дней мистер Грэй зашел ко мне и сообщил, к моему удивлению, что капитан Уэст отклонил мое предложение.

Через день я получил письмо от капитана Уэста. И почерк и язык были старомодны, тон – официальный. Он выражал сожаление, что мы с ним до сих пор не встречались, и спешил заверить меня, что лично присмотрит за тем, чтобы мое помещение было удобно. Он уже сделал на этот счет некоторые распоряжения: написал мистериу Пайку, старшему своему помощнику на «Эльсиноре», чтобы тот приказал снять переборку между отведенной мне офицерской каютой и такою же свободной каютой, смежной с ней. Затем – с этого-то и началась моя антипатия к капитану Уэсту – он добавлял, что если, когда мы выйдем в море, я все-таки буду недоволен моим помещением, он охотно уступит мне свою каюту.

Понятно, после такого отпора я решил, что ничто не принудит меня воспользоваться бронзовой кроватью капитана Уэста. И это был тот самый капитан Уэст, которого я в глаза не видал и который теперь продержал меня на морозе целых четыре невыносимых часа. Чем меньше будем мы видеться во время плавания, тем лучше, – думал я. И не без удовольствия вспомнил об огромном числе ящичков с книгами, отправленных мной на «Эльсинору» из Нью-Йорка. Слава богу, я не зависел ни от каких капитанов: у меня было чем развлечься и без них.

Я передал Поссума Ваде, сидевшему рядом с шофером, и пока матросы перетаскивали на пароходик мой багаж, лоцман повел меня знакомиться с мистером Уэстом. С первого же взгляда мне стало ясно, что он был таким же капитаном, как этот лоцман был лоцманом. Видал я лучших представителей этой породы – капитанов пассажирских пароходов, – и этот походил на них не

больше, чем на тех, широколицых, горластых шкиперов, про которых мне случалось читать в книгах. Рядом с ним стояла женщина. Но ее почти не было видно: это был какой-то цветной ком из великолепной теплой шубы, огромной муфты и боа из красной лисицы, в котором она исчезла почти без остатка.

Я бросился к лоцману.

– Господи боже! Его жена! – в ужасе прошептал я. – Едет с нами?

– Это его дочь, – объяснил мне шепотом лоцман, – должно быть, проводить его пришла. Жена его умерла больше года тому назад. Оттого-то, говорят, он вернулся к морю. А то он, знаете, в отставку было вышел.

Капитан Уэст двинулся мне навстречу, и прежде чем соприкоснулись наши протянутые руки, прежде чем лицо его вышло из состояния покоя и распустилось в любезную улыбку, прежде чем зашевелились его губы, чтобы заговорить, я почувствовал необычайную силу его личности. Высокий, сухощавый, с породистым лицом, он был холоден, как этот холодный день, самоуверен, как король или император, далек, как самая далекая звезда, бесстрастен, как теорема Эвклида.

И вдруг, за один миг до того, как встретились наши руки, в его зрачках зажглась чуть заметная искорка сдерживаемой веселости, разгладившая мелкие морщинки вокруг глаз; светлая лазурь этих глаз потемнела, словно согретая приливом внутренней теплоты, и все лицо смягчилось: тонкие губы, за секунду перед тем крепко сжатые, разом приняли то милое выражение, какое бывает у Сары Бернар[1 - Сарра Бернар (1844-1923) – знаменитая французская драматическая актриса, известная американцам по ее гастролям в Америке.], когда она начинает говорить.

Так сильно было первое мое впечатление от наружности капитана Уэста, что я почти ожидал от него каких-то несказанно мудрых и проникновенных слов. Однако не услышал ничего, кроме самых обычных извинений. Он высказал свое сожаление по поводу случившейся задержки, но сказал это таким голосом, который был для меня новым сюрпризом. Голос был низкий и мягкий, почти слишком низкий, но ясный, как звук колокольчика, и чуть-чуть носовой, отдаленно напоминавший говор старинной Новой Англии.

– И в задержке виновата вот эта молодая особа, – закончил он, представляя меня своей дочери. – Маргарэт, это мистер Патгерст.

Из лисьего меха быстро высвободилась ручка в перчатке, чтобы пожать мою руку, и я встретился взглядом с парой серых глаз, смотревших на меня пристально и серьезно. Меня смутил этот холодный, пытливый, пронизательный взгляд. Нельзя сказать, чтобы он был вызывающим, но он был оскорбительно деловым. Так смотрят на нового кучера, которого собираются нанять. Я не знал тогда, что она едет с нами и что поэтому ее желание узнать, каков человек, который в течение полугода будет ее попутчиком, было естественно. Впрочем, она тотчас же поняла неловкость своего поведения, и ее глаза и губы улыбнулись при первых ее словах.

Когда мы взошли на пароход и направились к каюте, я услышал, что Поссум, слабо подвывавший перед тем, отчаянно визжит, и прошел вперед сказать Ваде, чтобы он прикрыл его потеплее. Ваду я застал хлопочущим около моего багажа: он старался с помощью моей маленькой автоматической винтовки втиснуть мой чемодан между чьими-то сундуками. Я был поражен наваленной на палубе горой вещей, перед которой мой багаж совершенно терялся. «Судовые запасы», – было первой моей мыслью, но когда я разглядел, какое множество тут было всевозможных сундуков, чемоданов, баулов, картонок и свертков, я должен был отбросить эту мысль. На одной из укладок, подозрительно смахивавшей на картонку для дамских шляпок, мне бросились в глаза инициалы «М. У.». А между тем имя капитана Уэста было Натаниэль. При ближайшем исследовании я нашел на нескольких укладках инициалы «Н. У.», но на всех остальных стояло «М. У.». Тогда я вспомнил, что он назвал ее Маргарэт.

Это так меня рассердило, что мне не захотелось входить в каюту и я принялся шагать по палубе взад и вперед, кусая губы с досады. Ведь я, кажется, определенно договаривался с агентами, чтобы с нами в этом плавании не было никакой капитанской жены. Присутствие женщины в корабельных каютах было последней приманкой под солнцем, которая могла бы меня соблазнить. Но мне не приходило в голову, что у капитана может быть дочка. Я почти был готов отказаться от путешествия и возвратиться в Балтимору.

Пока я расхаживал по палубе и встречный ветер, вызванный ходом парохода, пронизывал меня насквозь, я увидел мисс Уэст. Она шла по узкой палубе мне навстречу, и меня невольно поразила ее упругая, живая походка. В ее лице, несмотря на резкие его очертания, было что-то хрупкое, не гармонировавшее с

ее крепкой фигурой. Впрочем, прийти к заключению, что у нее крепкое, здоровое тело, можно было только по ее манере ходить, так как контуры тела совершенно исчезли под бесформенной массой мехов.

Я круто повернул в обратную сторону и с мрачным видом погрузился в созерцание горы багажа. Один огромный ящик привлек мое внимание, и я рассматривал его, когда она заговорила у моего плеча.

– Вот из-за этой вещи и вышла задержка, – сказала она.

– А что в этом ящике? – спросил я, чтобы что-нибудь сказать.

– Пианино с «Эльсиноры». Как только я решила ехать, я протелеграфировала мистеру Пайку – это, знаете, наш старший помощник, – чтобы он отдал его починить. Он сделал все, что мог. Задержка случилась по вине мастерской. Ну, ничего: сегодня, пока мы ждали, они получили от меня такую нахлобучку, что не скоро забудут.

Она рассмеялась при этом воспоминании и принялась рыться в багаже, видимо, отыскивая что-то. Удостоверившись, что нужная ей вещь на месте, она повернула было обратно, но вдруг остановилась и сказала:

– Отчего вы не спуститесь в каюту? Там тепло. Нам идти еще по крайней мере полчаса.

– Когда вы решили отправиться в это плавание? – спросил я резко.

По быстрому взгляду, который она бросила на меня, я увидел, что она в этот момент поняла мою досаду.

– Два дня назад, – ответила она. – А что?

Ее готовность отвечать на вопросы обезоружила меня, но прежде чем я успел заговорить, она продолжала:

– Напрасно вы волнуетесь из-за моей поездки, мистер Патгерст. Дальние плавания мне, вероятно, привычнее, чем вам, и вот увидите – все мы устроимся

удобно и весело проведем время. Вы ничем не можете беспокоить меня, а я обещаю не беспокоить вас. Мне и раньше случалось плавать с пассажирами, и я научилась мириться с такими вещами, с которыми не могли мириться многие из них. Так вот, будемте сразу действовать начистоту, тогда нам нетрудно будет и продолжать в том же духе. Я знаю, в чем дело. Вы боитесь, что вам придется занимать меня. Так, пожалуйста, знайте, что мне не нужно, чтобы меня занимали. Самое длинное путешествие никогда не казалось мне слишком длинным, и даже к концу всегда оказывалось много такого, чего я не доделала в пути. Значит, как видите, во время плавания мне некогда будет скучать.

Глава II

«Эльсинора», только что нагруженная углем, очень глубоко сидела в воде, когда мы причалили к ней. Я слишком мало понимал в морских судах, чтобы восторгаться ее линиями, да, кроме того, был не в таком настроении, чтобы вообще чем-нибудь восторгаться. Я все еще решал и не мог решить вопроса, не отказаться ли мне от моей затеи и не вернуться ли на берег на парходике.

Из этого, однако, отнюдь не следует, чтобы я был нерешительным человеком. Наоборот.

Все дело было в том, что уже с первого момента, когда у меня мелькнула мысль о путешествии, оно не слишком манило меня. А ухватился я за него потому, что и ничто другое меня не привлекало. С некоторого времени жизнь потеряла для меня свою прелесть.

Коротко говоря, я пускался в это плавание потому, что уехать было легче, чем остаться. Но и все остальное было, на мою погибель, одинаково легко. В этом-то и заключалось проклятие тогдашнего моего настроения. Вот почему, шагая по палубе «Эльсиноры», я уже наполовину решил оставить мой багаж там, где он был, и распрощаться с капитаном Уэстом и его дочерью.

Я склонен думать, что решающую роль тут сыграла радушная, приветливая улыбка, какую одарила меня мисс Уэст перед тем, как повернула обратно к каюте, да еще мысль о том, что там, в каюте, должно быть, в самом деле очень тепло.

Мистера Пайка, старшего помощника капитана, я уже видел в первое мое посещение «Эльсиноры», когда она стояла в бассейне Эри. Теперь он улыбнулся мне деревянной, похожей больше на гримасу улыбкой, точно он с усилием выдавил ее из себя. Но он ничем не проявил желания пожать мне руку и тотчас же отвернулся, отдавая приказание десятку полузамерзших с виду людей – взрослых и юношей, – лениво выползавших откуда-то. Мистер Пайк выпил – это было ясно. У него было распухшее, зеленовато-бледное лицо, и его большие серые глаза смотрели мрачно и были налиты кровью.

Я все еще колебался, уныло наблюдая, как перетаскивали на борт мои вещи, и браня себя за малодушие, мешавшее мне произнести те несколько слов, которые положили бы конец всей этой канители. Ни один из людей, переносивших вещи в каюту, не отвечал моему представлению о матросах. По крайней мере, на пассажирских судах я не видал ничего похожего на них.

Один из них, юноша лет восемнадцати, с необыкновенно выразительным лицом улыбнулся мне своими чудесными итальянскими глазами. Но он был карлик – такой крошечный, что весь исчезал в высоких сапогах и непромокаемой куртке. «Он не чистокровный итальянец», – решил я. Я был твердо в этом уверен, но все-таки обратился за подтверждением к помощнику капитана, и тот ответил ворчливо:

– Который? Вон тот коротышка?.. Да, он полукровок: второй своей половиной японец или малаец.

Один старик – боцман, как мне потом сказали, – был такой инвалид, что я подумал, не был ли он искалечен при каком-нибудь несчастном случае. У него было тупое, бычачье лицо. Он с трудом волочил по палубе свои сапожищи и через каждые несколько шагов останавливался, прижимал обе руки к животу и резкими движениями подтягивал его кверху. За многие месяцы нашего плавания я тысячу раз видел, как он проделывал эту штуку, и только позднее узнал, что у него ничего не болело, а просто была такая привычка. Его лицо напоминало дурачка из сказки. И имя было какое-то странное: его звали, как я узнал потом, Сендри Байерс. И этот-то человек был боцманом прекрасного парусного судна «Эльсинора», считавшегося одним из лучших среди всех американских парусных судов.

Из всей этой кучки людей – взрослых, пожилых и юношей, – перетаскивавших наш багаж, только один, юноша лет шестнадцати, по имени Генри, хоть в слабой степени приближался, на мой взгляд, к тому представлению, какое я составил себе о моряках.

Большая часть команды еще не прибыла на борт. Ее ожидали каждую минуту, и сердитое ворчанье старшего помощника по поводу этой новой задержки наводило на дурные предчувствия. Те из команды, которые уже явились на судно, были набраны с бору да с сосенки. Это был всякий сброд. Нанялись они еще в Нью-Йорке и не через посредство какой-либо конторы, а каждый сам по себе. «Бог знает, какую окажется и вся-то команда», – говорил мистер Пайк.

Карлик-полукровок, помесь японца или малайца с итальянцем, по словам того же мистера Пайка, был хороший моряк, хотя раньше он плавал на пароходах, а на парусном судне служил в первый раз.

– Настоящие моряки! Вишь, чего захотели! – фыркнул мистер Пайк в ответ на мой вопрос. – Таких мы не берем. Забудьте и думать о них. У нас береговой народ. В наше время всякий мужик, любой подпасок сойдет за моряка. Их нанимают за настоящих моряков и платят им жалованье. Торговый наш флот пропал – отправился ко всем чертям. Нет больше моряков; все они перемерли давным-давно, еще прежде, чем вы родились.

От дыхания мистера Пайка отдавало свежесвыпитой водкой. Однако он не шатался и вообще не обнаруживал никаких признаков опьянения. Впоследствии я узнал, что он вообще не отличался болтливостью и только в пьяном виде давал волю своему языку.

– Лучше было бы мне давно умереть, чем дожить до такого позора, – продолжал он. – Каково мне видеть теперь, как и моряки наши и суда все больше отвыкают от моря.

– Но ведь «Эльсинора», кажется, считается одним из лучших судов, – заметил я.

– Да, – по нашему времени. Но что такое «Эльсинора»? Несчастный грузовик. Она строилась не для плаваний, а если бы даже она и годилась для плаваний, так все равно нет моряков, чтобы плавать на ней. О господи, господи! Как вспомнишь наши старые клипера!.. «Боевой Петух», «Летучая Рыба», «Морская

Волшебница», «Северное Сияние», «Морская Змея»... То-то были суда, не нынешним чета! А взять хоть прежние флотилии клиперов, торговавших чаем, что нагружались в Гонконге и делали рейсы в восточных морях. Это красота была, красота!..

Я был заинтересован. Передо мной был человек, живой человек. И я не торопился вернуться в каюту, – где, я знал, Вада распаковывал мои вещи, – а продолжал ходить по палубе с огромным мистером Пайком. Он был в самом деле великан во всех смыслах: широкоплечий, ширококостный и, несмотря на то, что он сильно горбился, был ростом никак не меньше шести футов.

– Вы великолепный экземпляр мужчины, – сделал я ему комплимент.

– Был когда-то, – пробормотал он с грустью, и в воздухе разнесся крепкий запах виски.

Я украдкой взглянул на его узловатые руки. Из каждого его пальца можно было бы выкроить три моих; из каждого его кулака – три моих кулака.

– Много ли вы весите? – спросил я.

– Двести десять. А в лучшие мои дни я вытягивал до двухсот сорока.

– Так «Эльсинора», говорите вы, плохо плавает? – сказал я, возвращаясь к той теме, которая так оживила его.

– Готов побиться об заклад на что угодно, от фунта табака до моего месячного жалованья включительно, что она не закончит рейса и в полтора дня, – проговорил он. – А вот в былые дни мы на «Летучем Облаке» в восемьдесят девять дней – в восемьдесят девять дней, сэр! – прошли весь путь от Сэнди-Гука до Фриско. Шестьдесят человек команды – и каких людей! Да еще восемь юнг. И уж летели мы, летели! Триста семьдесят четыре мили в день при попутном ветре, а в шторм не меньше восемнадцати узлов в час. За восемьдесят девять дней перехода никто не мог нас обогнать. Один только раз, уже спустя девять лет, нас обогнал «Эндрю Джэксон»... Да, было времечко!..

– В каком году вас обогнал «Эндрю Джэксон»? – спросил я, поддаваясь все возрастающему подозрению, что он морочит меня.

– В тысяча восемьсот шестидесятом, – ответил он не задумываясь.

– Вы, значит, плавали на «Летучем Облаке» за девять лет до этого, а теперь у нас тысяча девятьсот тринадцатый год. Стало быть, это было шестьдесят два года тому назад, – высчитал я.

– Да, мне было тогда семь лет. – Он засмеялся. – Моя мать служила горничной на «Летучем Облаке». Я родился в море. Двенадцати лет я уже служил юнгой на «Герольде», когда он сделал круговой рейс в девяносто девять дней. И все это время половина команды была закована: пять человек мы потеряли у мыса Горна; у всех у нас ножи были обломаны; трех человек в один и тот же день пристрелили офицеры; второй помощник был убит наповал, и никто так и не узнал, чьих рук это была работа. А мы летели и летели вперед. Девяносто девять дней мчались от гавани к гавани, семнадцать тысяч миль отмахали с востока на запад и обогнули Суровый Мыс[2 - Суровый Мыс – cape stiff (англ.); так английские моряки называют мыс Горн.].

– Но ведь тогда выходит, что вам шестьдесят девять лет, – вставил я.

– Да так оно и есть, – подтвердил он с гордостью. – И вот я в мои годы больше похож на мужчину, чем все эти нынешние юнцы. Все их чахлое поколение перемерло бы от первой такой переделки, через какие прошел я. Слыхали вы когда-нибудь о «Солнечном Луче»? Это тот клипер, что был продан в Гаване под перевозку невольников и переименован на «Эмануэлу».

– Вы, значит, плавали в Среднем Проходе? – воскликнул я, припомнив это старое название.

– Да, я был на «Эмануэле» в Мозамбикском канале в то время, когда нас настиг «Быстрый», и в трюме у нас было запрятано девятьсот человек черных. Только ни за что бы ему не нагнать нас, будь он не паровым, а парусным судном.

Я продолжал шагать рядом с этой массивной реликвией прошлого и выслушивать обрывки воспоминаний о добром старом времени, когда жизнь человеческая не ставилась ни во что. С трудом верилось, что мистер Пайк

действительно так стар, как он говорил, но когда я внимательно поглядел на его сутулые плечи и на то, как он по-стариковски волочил свои огромные ноги, я должен был поверить, что он не прибавляет себе лет.

Он заговорил о капитане Соммерсе.

– Великий был капитан, – сказал он. – За два года, что я плавал с ним в качестве его помощника, я не пропустил ни одного порта, чтобы не удрать с судна. И пока мы стояли на якоре, я все время прятался и только перед самым выходом в море тайком пробирался опять на судно.

– Отчего же?

– Из-за команды. Матросы поклялись отомстить мне – грозились убить меня за то, что я учил их по-своему, как надо быть настоящими моряками. А сколько раз меня ловили! Сколько штрафов пришлось уплатить за меня капитану! И все-таки только благодаря моей работе судно приносило огромные барыши.

Он поднял свои чудовищные лапы, и, взглянув на уродливые, исковерканные суставы его пальцев, я понял, в чем состояла его работа.

– Теперь всему этому пришел конец, – проговорил он грустно. – В наше время матрос – джентльмен. Не смеешь даже голос возвысить, а не то что руку на него поднять.

В эту минуту его окликнул с юта второй помощник, среднего роста, коренастый, гладко выбритый блондин.

– Показался пароход с командой, сэр, – доложил он.

– Ладно, – пробурчал мистер Пайк и добавил: – Сойдите к нам, мистер Меллэр, познакомьтесь с нашим пассажиром.

Я не мог не обратить внимания на особенную манеру, с какою мистер Меллэр спустился с кормовой лестницы и принял участие в церемонии представления. Он был по-старомодному чрезвычайно учтив, сладкоречив до приторности, и можно было безошибочно сказать, что он уроженец юга.

– Вы южанин? – спросил я его.

– Из штата Джоргия, сэр.

Он поклонился и улыбнулся, как может кланяться и улыбаться только южанин.

Черты и выражение его лица были мягки и симпатичны, но такого жестокого рта я никогда еще не видел на человеческом лице. Это был не рот, а рваная рана. Я не могу придумать лучшего сравнения для этого грубого, бесформенного рта с тонкими губами, так мило произносившего приятные вещи. Невольно взглянул я на его руки. Как и у старшего помощника, они были уродливы, ширококостны, с исковерканными суставами пальцев. Я заглянул в его голубые глаза. Снаружи они были как будто затянуты пленкой мягкого света, говорившего о добродушии и сердечности, но чувствовалось, что за этим внешним лоском не найдешь ни искренности, ни пощады. В глубине этих глаз сидело что-то холодное и страшное, что-то кошачье, враждебное и смертоносное: оно притаилось и ждало, выслеживая добычу. За этой светлой пленкой общительности была своя жизнь – жестокая жизнь, превратившая этот рот в рваную рану. То, что я увидел в глубине этих глаз, заставило меня содрогнуться от отвращения.

Пока я смотрел на мистера Меллэра, разговаривал с ним, улыбался и мы обменивались любезностями, у меня было такое чувство, точно я стою в дремучем лесу и знаю, что откуда-то из темноты за мной следят невидимые глаза хищного зверя. Говорю чистосердечно: меня серьезно пугало то, что сидело в засаде в черепе мистера Меллэра. Обыкновенно бывает так, что лицо и вообще всю внешность мы отождествляем с внутренним содержанием человека. Но я не мог этого сделать по отношению ко второму помощнику капитана. Его лицо, его манера держаться, его мягкое обращение были одно, а за ними скрывался он сам – существо, не имевшее ничего общего с этой внешностью.

Я заметил, что Вада стоит в дверях каюты, очевидно, выжидая момента, чтобы обратиться ко мне за инструкциями. Я кивнул ему и хотел войти за ним в каюту. Но мистер Пайк быстро взглянул на меня и сказал:

– На одну минутку, мистер Патгерст.

Он отдал какие-то приказания второму помощнику, и тот повернулся налево кругом и отошел. Я стоял и ждал, что скажет мне мистер Пайк, но он заговорил

только тогда, когда убедился, что второй помощник не может услышать его. Тогда он близко наклонился ко мне и сказал:

– Пожалуйста, никому не говорите о моем возрасте. Я ежегодно убавляю в договоре мои годы. Теперь официально мне пятьдесят четыре года.

– Да вы ни на один день не кажетесь старше, – вставил я из любезности. (Впрочем, я искренно это думал.)

– Я и не чувствую себя старше. Я и в работе, и в спорте перещегооляю самого прыткого из нынешней молодежи... Так я очень вас прошу, мистер Патгерст: ради бога, чтобы никто не знал, который мне год. Шкипера не слишком-то ценят помощников, которым подвалило под семьдесят. Да и владельцы судов тоже. Я возлагал большие надежды на это судно и, вероятно, получил бы его, не вздумай наш старик опять пуститься в море. Очень нужны ему деньги! Старый скряга!

– А он богат? – спросил я.

– Богат?! Да будь у меня десятая часть его денег, я ушел бы на покой. Купил бы себе в Калифорнии хорошенькое ранчо, разводил бы цыплят и жил бы себе припеваючи, – да будь у меня не то что десятая, а хоть пятидесятая часть тех денег, которые он засаливает впрок! Ведь у него паи во всех торговых судах Блэквуда, а блэквудским судам всегда была удача, – они неизменно приносят хорошую прибыль. А я старею, и уж пора бы мне быть командиром судна. Так нет же: приспичило этому старому хрену идти в море именно тогда, когда мне очищалось теплое местечко.

Я опять направился было в каюту, и опять он меня остановил.

– Мистер Патгерст! Так вы не проговоритесь насчет моего возраста?

– Нет, мистер Пайк, конечно нет, – будьте покойны, – сказал я.

Продрогнув до костей, я с особенным удовольствием ощутил уют и тепло каюты. Все двери в смежные каюты были открыты, образуя длинную анфиладу комнат. Выход на палубу с левой стороны вел через просторную прихожую, устланную ковром. В эту прихожую с левой ее стороны выходило пять кают: каюта старшего помощника – первая от входа; затем две офицерские каюты, превращенные в одну – для меня; за ними каюта буфетчика и, наконец, последняя в ряду офицерская каюта, отведенная под кладовую для платья и белья.

По другую сторону прихожей тянулся ряд кают, с которыми я еще не успел ознакомиться, хотя и знал, что там помещаются столовая, ваннные комнаты, кают-компания, представлявшая обыкновенную просторную жилую комнату, и капитанская каюта. Там же, очевидно, была и каюта, где помещалась мисс Уэст. Было слышно, как она напевала какую-то арию, распаковывая свои вещи. Кладовая буфетчика, отделенная от остального помещения боковыми коридорами и лестницей, выходившей через кормовую палубу в каюту, где хранились морские карты, помещалась в стратегическом центре всех его операций. Так, справа от нее были каюты капитана и мисс Уэст, прямо за ней – столовая и кают-компания, а слева ряд кают, уже описанных мною, из коих две занимал я.

Я прошел до конца коридора в сторону кормы и через открытую дверь вошел во внутреннее кормовое помещение судна, представлявшее одну очень большую каюту, не менее тридцати пяти футов от борта до борта и от пятнадцати до восемнадцати футов в длину, и имевшее, разумеется, неправильную форму, согласно очертаниям кормы. По-видимому, эта каюта служила складом судовых принадлежностей. Я заметил несколько кадок для воды, свертки парусины, много ящиков, подвешенные к потолку окорока и сало, лестницу, которая вела на кормовую палубу через маленький люк, и другой люк в полу.

Я заговорил с буфетчиком. Это был старик китаец с безбородым лицом, удивительно подвижный. Имени его я не запомнил, а его возраст в договоре был обозначен цифрой пятьдесят шесть.

– Что там такое внизу? – спросил я его, указывая на люк в полу.

– Лазарет, – ответил он.

– А кто здесь обедает? – и я указал на стол с двумя привинченными к полу стульями.

– Здесь вторая столовая. Второй помощник и плотник едят за этим столом.

Отдав последние распоряжения Ваде насчет расстановки моих вещей, я взглянул на часы. Было еще рано – семь минут четвертого, – и я опять поднялся на палубу посмотреть на прибытие команды.

Собственно, к посадке матросов на судно я опоздал, но, подходя к средней рубке, я столкнулся с несколькими отставшими людьми, еще не успевшими пройти на бак. Все они были пьяны, и более жалких, отвратительных оборванцев мне не случалось видеть даже на самых глухих, самых грязных улицах предместий. Все были в лохмотьях. У всех были опухшие лица, в грязи и кровоподтеках. Не скажу, чтобы они производили впечатление отъявленных негодяев, – нет. Они просто были так грязны, что противно было смотреть на них. Отталкивающими были и внешность их, и манера говорить, и движения.

– Эй, вы! Живее! Живее! Тащите на место ваш скарб!

Мистер Пайк выкрикнул эти слова с верхнего мостика.

Изящный, легкий мостик из стальных прутьев и тонких досок тянулся по всей длине судна, начинаясь на корме, проходя над средней рубкой и баком и кончаясь у самого носа судна.

Услышав команду начальника, люди обернулись, подняли головы и с угрюмым видом посмотрели на него. Двое или трое лениво двинулись дальше, исполняя приказание. Остальные прекратили свои пьяные перекоры и продолжали молча смотреть на мистера Пайка. А один, с таким блинообразным лицом, точно какой-то полоумный бог, создавая его, приплюснул ему нос шутки ради (я узнал потом, что звали его Ларри), громко захохотал и с дерзким вызовом сплюнул на палубу. Затем с величайшей развязностью повернулся к товарищам и хриплым голосом спросил:

– Какого черта торчит там это гнилое полено?

Я видел, как огромное тело мистера Пайка судорожно дернулось помимо его воли и как напряглись мускулы его звериных лап, державшихся за перила. Однако он сдержался.

- Проходите, проходите, - сказал он. - Вы мне не нужны. Ступайте на бак.

Затем, к моему изумлению, он повернулся и пошел по мостику в другую сторону, к тому месту, где причалил парходик. «Так вот и вся грозная расправа с матросами, которую он так хвастался!» - подумал я. И только потом я припомнил, что, возвращаясь, я видел капитана Уэста: он стоял на корме, облокотившись на перила, и пристально смотрел вперед.

Концы канатов были отданы, и я с интересом следил за маневрированием парходика, как вдруг в тот момент, когда он, отчалив, задним ходом удалялся от нашего судна, со стороны бака послышался смешанный гул пьяных голосов. В общем гвалте можно было разобрать только три слова: «Человек за бортом». Второй помощник стремглав сбежал с кормовой лестницы и промчался по палубе мимо меня. Старший же помощник, все еще стоявший на выкрашенном белой краской легком, как паутина, мостике, удивил меня проворством, с каким он пробежал по мостику до средней рубки, вскочил в подвешенную за бортом, прикрытую брезентом шлюпку и перевесился за борт, чтобы лучше видеть. Прежде чем матросы успели добежать до борта, второй помощник догнал их и первый догадался бросить в воду веревку, свернутую кольцом.

Больше всего меня поразило это умственное и физическое превосходство обоих офицеров. Несмотря на свой возраст - старшему помощнику было шестьдесят девять, а второму по меньшей мере пятьдесят лет, - и ум их, и тело действовали с быстротой и точностью стальных пружин. Эти были - сила. Эти были железные. Эти умели видеть, хотеть и действовать. По сравнению с людьми, бывшими у них под командой, они казались существами другой, высшей породы. Пока те, очевидцы случившегося, находившиеся тут же на месте, беспомощно метались и кричали и неуклюже карабкались на борт, раскидывая неповоротливым умом, что делать дальше, второй помощник успел спуститься с кормы по крутой лестнице, пробежать по палубе расстояние в двести футов, вскочить на перила и, улучив благоприятный момент, бросить в воду веревку.

Такого же характера и такого же достоинства было и поведение мистера Пайка. И он и мистер Меллэр были полновластными господами этого жалкого сброда в силу поразительной разницы в степени воли и умения действовать. Поистине, по

своему развитию они стояли дальше от подчиненных им людей, чем те от готтентотов или даже от обезьян.

Я между тем взобрался на битсы[3 - Битсы - вертикальные стойки около мачты.], откуда мне было хорошо виден человек в воде. По-видимому, он преспокойно плыл прочь от корабля. Это был очень смуглый человек - должно быть, с побережья Средиземного моря. Его искаженное лицо, насколько позволял судить брошенный мною на него беглый взгляд, было лицом сумасшедшего: черные глаза горели, как у маньяка. Второй помощник так ловко бросил свернутую кольцом веревку, что она упала ему через голову прямо на плечи, и с каждым взмахом рук он запутывался в этой веревке. Когда, наконец, ему удалось высвободиться, он принялся выкрикивать что-то дикое, и один раз, когда он поднял руки, потрясая ими в воздухе для пущей убедительности, в его правой руке блеснуло лезвие длинного ножа.

На пароходе ударили в колокол и пустились на выручку утопавшего. Я украдкой бросил взгляд в сторону капитана Уэста. Он перешел на левую сторону кормы и стоял там, заложив руки в карманы и поглядывая то вперед, на плывущего человека, то назад - на догонявший его пароход. Капитан не отдавал никаких приказаний, не проявлял никакого волнения и вообще имел вид самого безучастного из всех зрителей.

Человек в воде теперь силился стащить с себя платье. Я видел, как из воды показалась сперва одна рука, голая до плеча, потом другая, тоже голая. В этой возне он иногда исчезал под водой, но всякий раз, как поднимался на поверхность, он размахивал ножом и выкрикивал какую-то бессмыслицу. Он даже попытался уйти от погони, ныряя и плывя под водой.

Я прошел на бак и подоспел как раз вовремя, чтобы видеть, как его поднимали на борт. Он был совершенно нагой, весь залитый кровью, - в припадке бешенства он нанес себе раны в нескольких местах. Из раны на кисти руки кровь брызгала с каждым биением пульса. Это было гнусное, почти нечеловеческое существо. Я как-то видел в зоологическом саду чем-то напуганного орангутана, и - честное слово - этот человеческий экземпляр со звериным лицом, гримасами и бессмысленным лопотаньем напомнил мне того орангутана. Матросы окружили его, старались успокоить, тащили за собой, и все это с хохотом и остротами. Оба помощника расталкивали толпу. Наконец они схватили сумасшедшего и потащили по палубе в каюту средней рубки. Я не смог не заметить, какую чудовищную силу проявили они оба. Я слышал о

сверхчеловеческой силе сумасшедших, но этот сумасшедший был как пучок соломы в их руках. Как он ни бился, его все же втолкнули в каюту. Когда его уложили на деревянную скамью, мистер Пайк без всякого усилия удерживал его одной рукой, а второго помощника отправил за марлей, чтобы перевязать ему раны.

– Сущий бедлам, – сказал мне с усмешкой мистер Пайк. – Немало видел я на своем веку сумасшедших матросов, но такого еще не встречал.

– Что вы хотите с ним делать? – спросил я. – Ведь он истечет кровью.

– А умрет, – туда ему и дорога, – буркнул мистер Пайк. – С ним теперь не оберешься хлопот. Самое лучшее было бы отделаться от него. Когда он успокоится, я наложу ему швы. А успокоить его очень просто: дать в зубы – только и всего.

Я посмотрел на страшную лапу мистера Пайка и вполне оценил ее успокоительное свойство. Когда я снова вышел на палубу, то увидел на корме капитана Уэста: он стоял по-прежнему заложив руки в карманы и с равнодушным видом смотрел на северо-восток, где виднелся голубой просвет на облачном небе. Больше, чем оба капитанских помощника, больше, чем этот сумасшедший, больше, чем пьяная грубость команды, дала мне почувствовать эта спокойная, с заложенными в карманы руками фигура, что я попал в новый мир, о котором раньше не имел никакого понятия.

Вада прервал мои размышления, объявив, что его прислала мисс Уэст доложить мне, что в каюте подан чай.

Глава IV

Когда я вошел в каюту, меня поразило контраст между тем, что происходило на палубе, и тем, что я увидел здесь. Впрочем, все контрасты на «Эльсиноре» обещали быть поразительными. Вместо холодной твердой палубы я почувствовал под ногами мягкий ковер. Вместо мизерной, узкой каюты с голыми железными стенами и полом, где я оставил сумасшедшего, я очутился в

чудесном, просторном помещении. В моих ушах еще звучали грубые крики, перед моими глазами еще стояла отвратительная картина – опухшие от пьянства, грязные лица, – а тут мне улыбалась изящно одетая, с нежным личиком женщина, сидевшая за лакированным столиком в восточном вкусе, на котором был расставлен прелестный чайный сервиз китайского фарфора. Тут была тишина и покой. Буфетчик в мягкой обуви, с ничего не выражающим лицом, ничем не напоминая о своем присутствии, скользил как тень, незаметно появляясь для какой-нибудь услуги и так же незаметно исчезая.

Я пришел в себя не сразу, и мисс Уэст, наливая мне чаю, засмеялась и сказала:

– У вас такой вид, точно вы увидели привидение. Буфетчик мне сказал, что там человек упал за борт. Надеюсь, что холодная вода протрезвила его.

Мне не понравился ее равнодушный тон.

– Этот человек – сумасшедший, и ему не место на судне, – горячо сказал я. – Следовало бы поскорее отправить его на берег в больницу.

– Боюсь, что если мы начнем так нянчиться с ними, нам придется отправить на берег две трети нашей команды... Вам один кусочек?

– Да, пожалуй... Но этот человек страшно изранил себя. Он может истечь кровью.

Пока она передавала мне чашку, ее серые глаза смотрели на меня серьезно и пытливо, но вдруг смех заиграл в этих глазах, и она неодобрительно покачала головой.

– Пожалуйста, мистер Патгерст, не начинайте нашего плавания с протестов. Такие вещи случаются на судах сплошь да рядом. Вы привыкнете. Вам, наверно, вспомнились какие-нибудь чудаки, которые бросались в море с судна. А этот человек ведь спасен. Положитесь на мистера Пайка: он умеет перевязывать раны и присмотрит за ним. Я ни разу не плавала с мистером Пайком, но много слышала о нем. Он форменный хирург. В прошлый рейс он, говорят, сделал очень удачную ампутацию и после этого так возомнил о своем искусстве, что обратил свое благосклонное внимание на нашего плотника, который страдал чем-то вроде несварения желудка. Мистер Пайк был так твердо убежден в

правильности своего диагноза, что пытался уговорить плотника, чтобы тот позволил удалить свой аппендикс. – Она залилась веселым смехом и потом добавила: – Говорят, будто он предлагал бедняге чуть ли не пятьдесят фунтов табаку, если тот согласится на операцию.

– Но не опасно ли... во время плавания... оставлять на судне сумасшедшего? – нерешительно заметил я.

Она пожала плечами, точно не желая отвечать, но потом все-таки сказала:

– Нет, это пустяки. Среди каждой судовой команды найдется несколько сумасшедших или идиотов. И все они всегда являются на борт насквозь пропитанные водкой, в пьяном бреду. Один раз, помню, – это было давно, мы тогда выходили в море из Ситтля, – у нас на судне оказался такой безумец. Сначала он не проявлял никаких признаков сумасшествия. Но вдруг подошел к двум агентам мореходной конторы, схватил их за руки и вместе с ними прыгнул за борт. Мы в тот же день вышли в море, и я не знаю, нашли ли их тела.

И она опять пожала плечами.

– Что вы хотите? Море сурово, мистер Патгерст. А в нашу команду мы набираем людей самого худшего сорта. Я иной раз удивляюсь, где они выкапывают таких. Мы делаем все, что можем, натаскиваем их по мере наших сил и как-то ухитряемся заставить их помогать нам нести нашу долю труда в этом мире. Но плохи они... очень плохи.

Слушая, я изучал ее лицо, сравнивал ее женственную грацию и ее прелестный костюм с грубыми лицами, размашистыми жестами и лохмотьями тех людей и не мог в душе не признать, что она стои?т на правильной точке зрения. И тем не менее, и даже, думается мне, именно поэтому, меня коробили – сентиментальность, конечно – жестокость и равнодушие, с какими она высказывала свой взгляд.

Именно потому, что она была женщина столь непохожая на тех выродков, мне было обидно за нее, – обидно, что она получила такое суровое воспитание в школе жизни моряков.

– Я заметил, и меня поразило хладнокровие вашего отца во время этого происшествия, – рискнул я сказать.

– Ни разу не вынул рук из карманов? – подхватила она.

И когда я кивком подтвердил ее замечание, глаза ее весело сверкнули.

– Я так и знала. Это всегдашняя его манера. Я так часто это видела, что уже привыкла. Помню... мне шел тогда тринадцатый год... мы плыли в Сан-Франциско, а мама оставалась дома. Шли мы на «Дикси». Это – большое судно, почти такое же, как «Эльсинора». Дул сильный попутный ветер, и отец решил войти в гавань без буксирного парохода. Мы держали курс через Гольден-Гэт прямо на внутренний рейд Сан-Франциско. Кроме ветра, нас подгоняло быстрое течение, и людям обеих смен было приказано крепить паруса. И вдруг... Виноват был капитан одного парохода. Он не рассчитал, желая перерезать нам путь. Произошло столкновение: «Дикси» врезалась носом прямо в бок пароходу, разворотила кузов и начисто снесла каюты. На пароходе было несколько сот пассажиров – мужчин, женщин и детей. Отец спокойно стоял на палубе, не вынимая рук из карманов. Он послал на бак помощника присмотреть за спасением пассажиров (многие из них уже карабкались на бушприт нашего «Дикси») и таким голосом, точно просил передать ему хлеб и масло, приказал второму помощнику поставить все паруса.

Он даже объяснил ему, с каких парусов начинать.

– Зачем же нужны были паруса? – перебил я ее.

– Этого требовало создавшееся положение, и отец это видел. Вы понимаете, пароход был перерезан пополам. Он в один миг пошел бы ко дну, если б его не удерживал нос нашего судна, врезавшийся ему в бок. И тем, что мы подняли все паруса и шли полным ходом, мы не давали ему освободиться и затонуть. Я страшно испугалась. Люди, спрыгнувшие или упавшие в воду, со всех сторон тонули на моих глазах, а мы все шли, не убавляя хода. Я взглянула на отца. Он был такой же, каким я его знала: руки в карманах, не спеша, ровным шагом ходит по палубе. Отдаст какое-то приказание рулевому (ему ведь надо было провести «Дикси» между скопившимися в гавани судами), посмотрит на спасшихся пассажиров, толпившихся у нас на палубе, и опять смотрит вперед, выбирая путь между стоящими на якоре судами. А иногда взглянет и на

несчастных, тонувших на наших глазах, но без малейшего волнения, совершенно спокойно... Конечно, утонуло много народу, но своим хладнокровием, – вот именно тем, что он держал руки в карманах, – отец спас сотни человеческих жизней. Только тогда, когда на пароходе не осталось ни одного человека (он посылал людей удостовериться в этом), было приказано убрать часть парусов. И пароход тотчас же затонул.

Она замолчала и, ожидая одобрения, смотрела на меня сияющими глазами.

– Да, это было великолепно, – согласился я. – Я преклоняюсь перед спокойствием людей с сильной волей, хотя, признаюсь, такое спокойствие в критических случаях кажется мне чем-то нечеловеческим, противоестественным. Я представляю себя на месте вашего отца и чувствую, что я не мог бы держать себя, как он. Я убежден, например, что пока этот бедняга был в воде, я страдал за него гораздо больше, чем остальные зрители, взятые вместе.

– Отец тоже страдает, только виду не подает, – заступилась она за него, как преданная дочь.

Я молча наклонил голову: я почувствовал, что она не понимает меня.

Глава V

Когда я после чая вышел из каюты на палубу, буксирный пароход «Британия» был уже хорошо виден. Он должен был вывести нас из Чизапикской бухты в открытое море. Я прошел на бак. Там Сендри Байерс, по своему обыкновению нежно прижимая обе руки к животу, выгонял матросов на работу. Ему помогал в этом другой человек, и я спросил мистера Пайка, кто это такой.

– Это Нанси, мой боцман. Правда – молодец-мужчина? – последовал быстрый ответ, и по тону мистера Пайка я догадался, что это было сказано в насмешку.

Нанси могло быть лет тридцать, не больше, хотя по его виду можно было подумать, что он живет на свете очень давно. Беззубый, с вялыми движениями усталого человека, с мутными глазами цвета аспидной доски, с бритым,

болезненно желтым лицом, узкоплечий, с впалой грудью, с ввалившимися щеками, он имел вид человека в последнем градусе чахотки. Как ни мало жизни проявлял Сендри Байерс, Нанси проявлял ее еще меньше. И это были боцманы, – боцманы прекрасного американского парусника «Эльсиноры»! Ни одна из иллюзий за всю мою жизнь не терпела такого безнадежного крушения.

Мне было ясно, что эти люди, мягкотелые, без капли энергии, должны были бояться тех, над которыми они были поставлены как начальство. А матросы!.. Дорэ не мог бы найти лучших моделей для своего «Ада»! В первый раз я увидел их в полном составе и не мог осудить боцманов за то, что они боялись этих людей. Матросы не ходили: они тяжело волочили ноги, опустив голову; некоторые даже шатались от слабости или просто оттого, что были пьяны.

Но хуже всего были их лица. Я невольно вспомнил то, что мне только что сказала мисс Уэст, – что среди судовой команды всегда найдется несколько сумасшедших или идиотов. Но эти все казались или сумасшедшими, или идиотами. Я, как и мисс Уэст, удивлялся, где могли набрать такое множество человеческого хлама. У каждого был какой-нибудь изъян – скрюченное тело, искаженное лицо, – и почти все без исключения были малорослы. У немногих, оказавшихся хорошего мужского роста, были тупоумные лица. А один высокий человек, несомненно ирландец, был столь же несомненно помешанный. Он все время что-то бормотал, разговаривая сам с собой. Другой – маленький, сутулый, кривобокий человечек с кривой шеей, с хитрым, плутоватым лицом и белесыми голубыми глазами – обратился к этому сумасшедшему с каким-то непристойным замечанием, но тот не обратил на него никакого внимания и продолжал бормотать. Вслед за кривобоким человечком из трюма вынырнул великовозрастный толстый балбес, а за ним другой, такой долговязый и развинченный, что оставалось только удивляться, каким чудом мясо держится у него на костях.

Следом за этим ходячим скелетом показалось такое сверхъестественное существо, каких я еще и не видывал. Это была какая-то пародия на человека. Все тело его было скрючено, а лицо искажено, точно от боли. Можно было подумать, что его безостановочно пытали по крайней мере тысячу лет. Это было лицо забитого, слабоумного фавна. Большие черные глаза, горевшие диким огнем, говорили о невыносимом страдании; они вопросительно перебежали с одного лица на другое и так же вопросительно останавливались на всем окружающем. Эти жалкие глаза глядели так пытливо, как будто были обречены судьбой вечно отыскивать ключ к неразрешимой и грозной загадке. Только

потом я узнал причину такого странного выражения глаз: человек этот был совершенно глух: у него лопнули барабанные перепонки при взрыве парового котла, искалечившего и все его тело.

Я заметил, что буфетчик стоит в дверях кухни и наблюдает издали за людьми. Глаз отдыхал на его живом, смышленном азиатском лице, так же, как и на подвижном лице «Коротышки», выбежавшего из трюма вприпрыжку, с громким смехом. Но и с ним было не совсем-то ладно. Он был карлик, и, как мне сказали потом, его веселый нрав и слабый ум сделали из него шута.

Мистер Пайк на минуту остановился подле меня, и пока он следил за людьми, я наблюдал его. У него было выражение лица скотопромышленника, и ясно было, что ему внушает отвращение качество приобретенного скота.

- Всех до одного чем-то пришибло от рождения, - пробурчал он.

А они все шли: один - бледный как мертвец, с бегающими глазами, про которого я тотчас же решил, что он отпетый мерзавец; другой - сухонький, сморщенный старикашка с птичьей физиономией и крошечными, как бисеринки, злыми голубыми глазками; третий - небольшого роста, плотный малый, показавшийся мне более нормальным и не таким тупоумным, как все те, что появлялись до сих пор. Но, видно, у мистера Пайка был более наметанный глаз.

- Что такое с тобой? - прорычал он, обращаясь к этому человеку.

Разговаривая с матросом, мистер Пайк не говорил, а рычал.

- Ничего, сэр, - ответил тот, тотчас же остановившись.

- Имя твое?

- Чарльз Дэвис, сэр.

- Отчего ты хромаешь?

- Я не хромаю, сэр, - проговорил человек почтительно, и только после того, как начальник отпустил его кивком головы, бодро двинулся дальше, покачивая на

ходу плечами.

– Правильный матрос, но я готов прозакладывать фунт табаку и даже месячное жалованье, что с ним что-то неблагополучно, – пробурчал мистер Пайк.

Трюм теперь, по-видимому, опустел, но мистер Пайк вдруг напустился на боцманов со своим обычным рычаньем:

– Какого черта вы торчите тут? Заснули?.. Думаете, здесь санаторий для отдыха, что ли? Марш в бак, и выволакивайте остальных!

Сендри Байерс осторожно подтянул свой живот и продолжал нерешительно топтаться на месте, а Нанси, с выражением упорного, застарелого страдания на лице, неохотно полез в бак. Вслед за тем оттуда посыпалась отборная площадная ругань и послышался робкий, просительный голос Нанси, на чем-то кротко настаивающий.

Я заметил, какой свирепый, зверский взгляд бросил мистер Пайк в сторону бака, и приготовился увидеть бог знает каких сверхъестественных чудищ, когда матросы покажутся на свет. Вместо этого, к моему изумлению, из бака вышли три парня, казавшиеся неизмеримо выше того сброда, который предшествовал им. Я снова взглянул на мистера Пайка, ожидая увидеть смягчившееся выражение на его лице. Но, наоборот, его голубые глаза сузились и превратились в щелки, а ворчанье его превратилось в рычанье собаки, которая собирается укусить.

А те трое... Все они были невысокого роста и молодые – так, между двадцатью пятью и тридцатью годами. На всех было грубое, но приличное платье, а двигавшиеся под платьем твердые мускулы говорили об их хорошем физическом состоянии. Лица у всех были тонко очерченные и интеллигентные. И хоть и чувствовалось в них что-то странное, но что именно – я не мог определить.

Они не были голодными пропойцами, как остальные, которые, пропив последний свой заработок, околевали с голоду на берегу, пока не получили и не пропили денег, выданных им вперед за предстоящее плавание. Эти трое были здоровые парни с гибкими членами, с произвольно быстрыми и точными движениями. Быть может, то странное, что мне почувствовалось в них, объяснялось тем равнодушным и в то же время испытующим взглядом, каким они смотрели на

меня и от которого, казалось, ничто не ускользало. Слишком самоуверенными, слишком опытными казались они. Я был уверен, что они не моряки, а между тем не мог определить, какое место они могли занимать на суше. Я никогда не встречал людей такого типа. Пожалуй, я дам читателю более верное представление о них, описав то, что произошло.

Проходя мимо нас, они окинули мистера Пайка тем же равнодушным, острым взглядом, каким он одарил меня.

– Имя твое, имя? – рявкнул мистер Пайк на первого из тройки, явно представлявшего собой помесь ирландца с евреем. Нос был, бесспорно, еврейский, и так же бесспорно ирландскими были глаза, нижняя челюсть и верхняя губа.

Все трое сейчас же остановились, и хотя они не смотрели друг на друга, ясно было, что они о чем-то молча сговариваются между собой. Второй из тройки, в жилах которого текла бог весть какая кровь – еврейская, вавилонская или, может быть, латинская, – подал товарищам предостерегающий сигнал. Он не сделал ничего резкого, вроде подмигивания или кивка головы. Я даже не был уверен, что я перехватил этот сигнал, и тем не менее я твердо знал, что он о чем-то предупредил двух остальных, – то была слабая тень какой-то мысли, промелькнувшая в его глазах. Одним словом, что бы это ни было, а только сигнал был подан и достиг цели.

– Мерфи, – ответил на вопрос мистера Пайка первый из троих.

– Сэр! – поправил мистер Пайк свирепым голосом.

Мерфи пожал плечами в знак того, что он не понимает. Холодная самоуверенность этого человека, самоуверенность всех троих – вот что поразило меня всего больше.

– Когда ты говоришь с офицером нашего судна, ты должен к каждой фразе прибавлять «сэр», – пояснил мистер Пайк тем же свирепым тоном и с таким же свирепым лицом. – Понял?

– Да... сэр, – промямлил Мерфи с умышленной затяжкой, – я понял...

– Сэр! – заорал мистер Пайк.

– Сэр, – повторил Мерфи так тихо и небрежно, что это еще больше разозлило мистера Пайка.

– Так вот что, брат: Мерфи – слишком мудреное имя, – сказал он. – У нас здесь ты будешь прозываться Носатым. Понял?

– Понял... сэр, – последовал ответ, сознательно дерзкий по мягкости и равнодушию тона. – Носатый Мерфи?

Что же, идет... сэр.

И он засмеялся – все трое засмеялись, если только можно назвать смехом смех беззвучный и ничем не выражающийся на лице. Смеялись одни лишь глаза, смеялись невесело и хладнокровно.

Уж разумеется, мистер Пайк не получил большого удовольствия от беседы с этими прожженными молодцами. Он опрокинулся на вожак, на того, который подал товарищам предостерегающий сигнал и который производил впечатление ублюдка всех семитических и средиземноморских рас:

– Тебя как зовут?

– Берт Райн... сэр, – ответил этот таким же мягким, небрежным и раздражающим тоном, как и первый.

– А тебя?

Это относилось к третьему, самому молодому, темноглазому малому, с оливкового цвета кожей и поразительно красивым, как на камее, лицом. «Родившийся в Америке потомок эмигрантов из Южной Италии – из Неаполя или даже из Сицилии», – определил я.

– Твист... сэр, – ответил и этот точь-в-точь таким же тоном, как и двое других.

– Скверное имя, – насмешливо отрезал мистер Пайк. – У нас ты будешь Козленком. Понял?

– Понял... сэр. Козленок Твист... Мне это подойдет... сэр.

– Не Твист, а просто Козленок.

– Козленок так Козленок. Слушаю... сэр.

И опять все трое засмеялись своим беззвучным, невеселым смехом. Между тем мистер Пайк уже дошел до точки кипения, и ярость его искала только предлога, чтобы вылиться наружу.

– А теперь я вам, всей вашей троице скажу кое-что, что будет полезно для вашего здоровья. – У него срывался голос от сдерживаемого бешенства. – Я знаю вашу братию. Вы – сволочь. Поняли? Сволочь. И на нашем судне с вами будут обращаться, как со сволочью. Или вы будете работать, как нужно, или я доберусь до вас. В первый же раз, как вы вздумаете отлынивать от работы или даже будет только похоже на это, – вы получите свое. Поняли?.. А теперь ступайте: марш вперед к брашпилю!

Он повернулся на каблуках и пошел в обратную сторону, а я пошел рядом с ним.

– Что вы хотите с ними сделать? – поинтересовался я.

– Осадить, – проворчал он. – Я знаю эту породу. Много будет с ними хлопот. Таким отбросам даже в аду не место...

Тут речь его была прервана зрелищем, ожидавшим нас у люка номер второй. На крышке люка лежали враспяжку пять или шесть человек, и между ними Ларри, тот самый оборванец, который перед тем обозвал мистера Пайка «гнилым поленом». Ясно было, что этот Ларри не исполнил приказания, так как теперь он полулежал, прислонившись спиной к мешку со своими пожитками, который ему было приказано снести на бак. Кроме того, и он, и вся эта компания должны были в эту минуту работать на носу.

Мистер Пайк ступил на крышку люка и подошел вплотную к Ларри.

– Встань! – приказал он.

Ларри сделал движение, чтобы подняться, но застонал и снова опустился на мешок.

– Не могу, – проговорил он.

– Сэр!

– Не могу, сэр. Вчера вечером я был пьян и заснул на Джеферсоновом рынке. А к утру я совсем окоченел, сэр. Пришлось разминать мне кости, а то я был как деревянный.

– От холода одеревенел, бедняга? – проворчал со злой усмешкой мистер Пайк.

– Верно говорю вам, сэр: совсем как деревянный; не чувствовал ни ног ни рук.

– Ничего не чувствовал – да? Все равно как «гнилое полено»?

Ларри заморгал с беспокойным видом испуганной обезьяны. Он почуял опасность, но еще не знал, чего бояться. Он понимал лишь, что над ним стоит человек, за которым право и сила.

– Постой же, я тебе покажу, может ли чувствовать гнилое полено, – передразнил его мистер Пайк.

А дальше случилось вот что. Я попрошу читателя припомнить, что я говорил об огромных лапах мистера Пайка. Я говорил, что пальцы этих лап были гораздо длиннее и вдвое толще моих, что руки были огромны, а плечи необыкновенно массивны. И вот теперь он поднял правую руку, и даже не кулаком, а только кончиками пальцев, наотмашь, ударил Ларри по лицу, но так, что тот перекувыркнулся и кубарем перекатился через свой мешок с пожитками.

Человек, лежавший рядом с ним, угрожающе зарычал и с воинственным видом подался вперед, собираясь вскочить на ноги. Но он не успел вскочить. Мистер Пайк той же правой рукой ударил его по щеке. Удар прозвучал весьма внушительно. Старший помощник, видимо, обладал чудовищной силой.

Казалось, он ударил совсем легко, без всякого усилия, как мог бы ударить, играя, добродушный медведь; но так велик был вес костей и мускулов ударившей руки, что человек повалился на бок и скатился с крышки люка на палубу.

В этот момент на нас набрел слонявшийся по палубе О'Сюлливан. Его бессвязное бормотанье донеслось до ушей мистера Пайка. Мгновенно оцетинившись, как дикий зверь, он уже поднял свою лапу, чтобы ударить его, и выпалил, как из пистолета:

– Чего ты? Как смеешь!.. – Но тут ему бросилось в глаза безумное лицо О'Сюлливана, и он сдержался. – Тоже из бедлама, – пояснил он.

Я невольно стал искать глазами капитана Уэста, ожидая увидеть его на корме, но оказалось, что корму от нас заслоняет средняя рубка.

Не обращая внимания на человека, лежавшего на палубе и стонавшего, мистер Пайк стоял над Ларри, который тоже стонал. Все остальные, валявшиеся раньше на крышке люка, теперь стояли на ногах, почтительные и покорные. Я тоже преисполнился почтения к этой грозной фигуре старика. Заданное им представление окончательно убедило меня в правдивости его рассказов о былых днях жестокой расправы на судах.

– Ну, кто из нас теперь гнилое полено? – спросил он у Ларри.

– Я, сэ, – сокрушенно простонал тот.

– Вставай!

Ларри поднялся без всякого усилия.

– А теперь живо на нос! Марш! И вы все тоже!

И все пошли, – угрюмо, еле волоча ноги, но все же пошли, как укрощенные животные, какими, в сущности, они и были.

Глава VI

Я поднялся по трапу на нос (где, как оказалось, помещались бак, кухня и каморка с маленьким паровым насосом) и прошел по мостику до фок-мачты, откуда можно было видеть, как поднимают якорь. «Британия» уже причалила к нашему борту, и мы готовились к отплытию.

Группа людей ходила по кругу, ворочая брашпиль[4 - Брашпиль – палубный механизм лебёточного типа.]; остальные тоже исполняли какую-то работу на баке. Команда делилась на две смены, по пятнадцати человек в каждой. Кроме этих смен были еще парусники, юнги, боцманы и плотник, – всего около сорока человек. Но что это были за люди! Угрюмые, безжизненные, ленивые, неподвижные! Каждый шаг, каждое движение стоило им усилий, словно это были не живые люди, а поднятые из гробов мертвецы или выгнанные из больниц на работу тяжело больные. Да это и были больные, отравленные водкой, голодные, ослабевшие от плохого питания. Но что всего хуже – все они были слабоумные или помешанные.

Я взглянул наверх, на сеть переплетающихся снастей, на мачты, поддерживавшие стальные реи и тянувшиеся все выше и выше. Там, наверху переплетающиеся снасти казались тонким кружевом на фоне неба. Было невероятно, чтобы такая никуда не годная команда могла благополучно провести это великолепное судно через все бури, ночной мрак и опасности, какими грозит море. Я представил себе двух помощников капитана, Меллэра и Пайка, подумал об их умственном и физическом превосходстве и спросил себя, смогут ли два действительно энергичных человека заставить действовать этот человеческий хлам. По крайней мере сами они не сомневались в своих силах. Но море? Кто окажется сильнее – море или они? Если они сумеют справиться с морем, если такой фокус возможен, то ясно, что я не имею никакого представления о море.

Я стал смотреть на уродливых, ковыляющих, больных, заморенных людей, тяжело топтавшихся по кругу у брашпиля.

Мистер Пайк был прав. Не такими были те живые, сильные, чертовски проворные люди, что управляли судами в былые дни щегольских клиперов, – те, что дрались с офицерами, обламывали в борьбе клинки своих ножей, убивали и сами погибали в драке, но умели работать, как настоящие люди. А эти

спотыкающиеся скелеты, ворочающие брашпиль... Смотрел-смотрел я на них – и тщетно старался представить их себе карабкающимися по мачтам и реям, «вызывающими на поединок судьбу, – как говорит Киплинг, – со складными ножами в зубах». «Отчего они не поют, снимаясь с якоря?» – думал я. В старину, читал я, якорь всегда поднимался под удалые песни истых сынов моря, прирожденных моряков.

Мне надоело смотреть на эту вялую работу, и я отправился на разведки по мостику. Это было прекрасное сооружение, легкое, но крепкое, тремя воздушными скачками пересекавшее судно по всей его длине. Начиналось оно у самого бака, проходило над передней и над средней рубкой и кончалось у кормы. Ют, представлявший в сущности крышу или верхнюю палубу, тянувшуюся над всем пространством, отведенным под каюты, и занимавший всю заднюю часть судна, был очень велик. Площадь его пересекалась посередине, у самой кормы, только полукруглой и полуоткрытой будкой для штурвала, командной рубкой и каютой для хранения морских карт. По обе стороны этой каюты были двери, выходившие в маленькую переднюю, откуда лестница вела в нижнее помещение, где были жилые каюты.

Я заглянул в командную рубку, и сидевший там капитан Уэст приветствовал меня улыбкой. Он очень уютно расположился в кресле-качалке, откинув голову на спинку и вытянув ноги на соседнюю конторку. Тут же, на широкой, мягкой кушетке сидел лоцман. Оба курили сигары. Я на минуту остановился в дверях послушать, о чем говорят, и понял из их разговора, что лоцман был раньше капитаном судна.

Когда я спускался вниз, из каюты мисс Уэст доносилось ее мурлыканье и шум какой-то возни: это она разбирала свои вещи. И, судя по ее бодрому, веселому голосу, она вкладывала головокружительную энергию в свое занятие.

Проходя мимо кладовой, я просунул голову в дверь и поздоровался с буфетчиком, вежливо давая ему знать, что я помню об его существовании. Его крошечные владения были поистине царством действенной воли. Все здесь было в порядке, нигде ни единого пятнышка, и я знаю, что на суше, при всем моем желании, я не нашел бы более бесшумного слуги. На его лице, когда он взглянул на меня, было так же мало или так же много выражения, как на лице сфинкса, но его раскосые черные глазки светились умом.

– Как вы находите нашу команду? – спросил я, чтобы как-нибудь объяснить мое вторжение в его царство.

– Сумасшедший дом, – ответил он быстро, с отвращением качая головой. – Слишком много сумасшедших. Все сумасшедшие. Сами видите. Мало добра. Мусор и гниль.

Ни к черту.

Вот и все, что он сказал, но это подтверждало мое собственное впечатление. Быть может, и верно было то, что говорила мисс Уэст, – что в каждой судовой команде найдется несколько сумасшедших и идиотов; но можно было смело заключить, что в нашей команде их было не несколько, а много больше. И действительно, как оно и вышло на поверку, наша команда даже для нынешнего времени выродившегося мореходства была ниже среднего уровня по своей неумелости и полной непригодности к какому бы то ни было труду.

Я пришел в восхищение от моей каюты (собственно, от двух моих кают). Вада распаковал и развесил весь мой гардероб и разложил на бесчисленных полках всю библиотеку, какую я захватил с собой. Всё было в полном порядке, на своем месте, начиная с моего бритвенного прибора, уложенного в ящик умывальника, моих непромокаемых брюк и сапог, подвешенных таким образом, чтобы они всегда были под рукой, и кончая моими письменными принадлежностями, аккуратно разложенными на конторке, перед которой стояла обитая кожей и наглухо привинченная к полу качалка, приглашая меня присесть отдохнуть. Моя пижама и халат лежали наготове, мои туфли стояли на обычном месте у кровати и тоже призывали меня к покою.

Здесь, внизу царил разум и комфорт. А на палубе было то, что я только что описал, – кошмарный подбор низших существ, лишь по виду человеческих, исковерканных духовно и физически, каких-то карикатур на людей. Да, необыкновенная была у нас команда, и я никак не мог допустить, чтобы мистер Пайк с мистером Меллэром сумели обломать этих выродков и превратить их в работоспособных людей, необходимых для управления таким огромным, сложным и прекрасным механизмом, как это судно.

Я был совершенно подавлен тем, чему был только что свидетелем на палубе, и когда, вернувшись к себе в каюту, я уютно устроился в своем кресле и раскрыл

второй том «Hail and Farewell»[5 - Hail and Farewell (англ.) – здравствуй и прощай.] Джорджа Мура, у меня на минуту мелькнуло что-то вроде предчувствия, что наше плавание будет неблагополучным. Но когда, оглядев мою каюту и оценив ее простор и комфорт, я подумал, что ни на одном пассажирском пароходе я не мог бы устроиться так удобно, я отогнал мрачные мысли и с удовольствием стал рисовать себе картину, как хорошо и спокойно я проведу несколько месяцев за чтением, которое в последнее время я сильно запустил.

Как-то раз я спросил Ваду, видел ли он команду. Нет, сам он не видел, но буфетчик говорил ему, что за все годы, что он ходит в море, такой плохой команды он еще не знал.

– Он говорит: все безголовые, не моряки, ненадежный народ, – сказал Вада. – Большие дураки, говорит, и много с ними будет хлопот. Вот увидишь, – говорит. А он уже старый человек – пятьдесят пять ему, говорит. Хороший человек, хоть и китаец. Он раньше плавал, но бросил, а теперь идет в море в первый раз. А перед тем вел большое дело в Сан-Франциско. Только вышли у него неприятности с полицией. Говорят, он опиум продавал из-под полы. Ох, много, много неприятностей он нажил. Только он хитрый: нанял хорошего законника и не попал в тюрьму. Но тот законник очень долго копался, а когда все уладилось и все неприятности кончились, тогда он – законник, то есть – забрал в свои руки все его дело, все деньги, все. И вот пришлось ему опять идти в море, как в прежнее время. Он хорошо зарабатывает здесь, получает шестьдесят пять долларов в месяц. Но ему здесь не нравится. Команда очень уж плоха. Как только кончится рейс, он уйдет с судна и снова заведет дело в Сан-Франциско.

Некоторое время спустя, когда Вада по моему приказанию открыл один из вентиляторов, я услышал плеск и бульканье воды за бортом и понял, что мы подняли якорь и идем на буксире у «Британии» по Чизапикской бухте в открытое море. На один миг у меня опять мелькнула мысль, что еще не поздно вернуться. Не отказаться ли в самом деле от дальнейшего путешествия? Ничего не могло быть легче, как пересечь на «Британию», когда она будет уходить от нас, и вернуться в Балтимору. Но тут до меня донеслось звяканье посуды (это буфетчик собирался накрывать на стол), а в каюте было так тепло и уютно, и так увлекателен был Джордж Мур...

Обед во всех отношениях превзошел мои ожидания, и я отметил про себя, что повар – кто бы он ни был – мастер своего дела. Хозяйничала мисс Уэст, и хотя она с буфетчиком были чужими друг другу, действовали они удивительно согласно. Судя по тому, как гладко проходил обед благодаря расторопности буфетчика, можно было принять этого человека за старого слугу, с давних пор знавшего свою хозяйку и изучившего все ее привычки.

Лоцман обедал в капитанской рубке, и здесь нас сидело за столом только четверо постоянных сотрапезников. Капитан Уэст сидел против дочери, а я по правую его руку, лицом к лицу с мистером Пайком. Таким образом, место мисс Уэст приходилось справа от меня.

Мистер Пайк, в темном сюртуке (он надел его для обеда), морщившемся на выпуклых мускулах его сутулых плеч, совсем не говорил. Но он столько лет обедал за капитанским столом, что не мог не приобрести приличных манер. Сначала мне казалось, что его смущает присутствие мисс Уэст, но потом я решил, что не ее он стесняется, а капитана. Только теперь я заметил, как капитан обращается с ним. Как ни велико было расстояние, отделявшее команду от двух помощников капитана, людей совершенно другой, высшей породы, ничуть не меньше было расстояние между ними и капитаном Уэстом. Он был чистокровный аристократ. С мистером Пайком он не удостоивал говорить даже о судебных делах, а не то что о чем-нибудь постороннем.

Со мной же он обращался как с равным. Но, правда, я ведь был пассажиром. Так же обращалась со мной и мисс Уэст. Она и с мистером Пайком держалась проще. А мистер Пайк отвечал ей: «Да, мисс», или: «Нет, мисс», кушал, как благовоспитанный мальчик, и в то же время его серые глаза, блестящие из-под косматых бровей, изучали меня через стол. Я, со своей стороны, тоже изучал его. Несмотря на его бурное прошлое, на его жестокие расправы с людьми в былые времена, мне он нравился. Это был честный, прямой человек. И даже не столько этим привлекал он меня, сколько тем наивным детским смехом, каким он разражался всякий раз, как я рассказывал что-нибудь смешное. Так не мог смеяться дурной человек. И я был рад, что он, а не мистер Меллэр, будет сидеть против меня за столом во время нашего плавания. И еще больше был рад, что мистер Меллэр вообще не будет сидеть с нами за одним столом.

Кажется, мы с мисс Уэст одни только и поддерживали разговор. Общительная, живая, находчивая, она задавала тон, и я еще раз обратил внимание на то, что

нежный овал ее лица не соответствовал ее крепкой фигуре. Она была здоровой, сильной молодой особой, не толстой – боже упаси, – ее нельзя было назвать даже пухленькой, но очертания ее тела отличались приятной округлостью, какая обыкновенно сопровождает здоровые мускулы. В этом теле чувствовалась сила, а между тем она была худощавее, чем казалась. Помню, что когда мы встали из-за стола, я с удивлением заметил, какая у нее тонкая талия. «Молодая ива», – подумал я в этот момент. И в самом деле, она напоминала иву с гибким станом и тем избытком здоровой растительной жизни, благодаря которому казалась полнее и тяжеловеснее, чем была.

Это завидное здоровье заинтересовало меня. Присмотревшись внимательнее к ее лицу, я заметил, что только овал его был нежен. Самое же лицо не было ни нежным ни хрупким. Ткань кожи была тонка, но плотна, как это было видно при каждом движении крепких мускулов лица и шеи. Шея была прекрасной белой колонной, с тонкой кожей и сильными мускулами. Обратил я внимание и на руки, – не маленькие, но красивой формы, – тонкие, белые, холеные, но сильные руки. Оставалось только прийти к заключению, что она – такая же необыкновенная капитанская дочка, каким необыкновенным капитаном был ее отец. У них и носы были одинаковые: прямые, с легкой горбинкой, говорившие о силе и породе.

Пока мисс Уэст распространялась о том, как неожиданно она решила ехать (ей вдруг пришла такая фантазия, сказала она), и пока она перечисляла все осложнения, какие ей пришлось преодолевать при ее спешных сборах в дорогу, я поймал себя на том, что занимаюсь подсчетом тех людей на борту «Эльсиноры», которые окажутся способными действовать. Такими были капитан Уэст и его дочь, два его помощника, Вада, буфетчик и, разумеется, я, да еще, вне всякого сомнения, повар, в чью пользу красноречиво свидетельствовал обед. Итак, в общем итоге нас, способных действовать, оказалось восемь человек. Но повар, буфетчик и Вада были слуги, а не матросы, а я и мисс Уэст – сверхкомплектные. Стало быть, из сорока пяти человек, составлявших население судна, настоящих работников, имевших прямое касательство к управлению этим судном, было только трое. Наверное, были и еще в этом смысле полезные люди. Очень возможно, что мое первое впечатление от команды обмануло меня. Был еще плотник, и может быть, он был таким же мастером своего дела, как повар. Были еще два матроса, парусники. Правда, я их еще не видал, но, может быть, и они окажутся хорошими работниками.

В конце обеда я попробовал навести разговор на занимавшую меня тему. Я рассказал, в какое восхищение привели меня мистер Пайк и мистер Меллэр своим умением обламывать эту распущенную, никуда не годную команду. Для меня это ново, сказал я, но я вполне признаю необходимость таких мер. Когда в дальнейшем разговоре я коснулся происшествия на люке номер второй и стал рассказывать, как мистер Пайк заставил Ларри подняться одним лишь легким шлепком концами пальцев, я прочел в глазах мистера Пайка предостережение, чуть ли не угрозу. Тем не менее я досказал все до конца.

Когда я кончил, за столом воцарилось молчание. Мисс Уэст углубилась в разливание кофе. Мистер Пайк усердно занялся раскалыванием орехов и, как ни старался, не мог скрыть полуюмористического, полусердитого выражения, промелькнувшего в его глазах. А капитан Уэст смотрел на меня в упор, но – боже! – с какого далекого расстояния, точно я был за миллионы миль от него! Его светлые голубые глаза глядели ясно и спокойно; его голос был тих и мягок, как всегда.

– У нас принято за правило, мистер Патгерст, и я попросил бы вас придерживаться его, – никогда не говорить о нашей команде.

Это был удар прямо в лицо, и, подчеркивая мое сочувствие к оборванцу Ларри, я поспешил ответить:

– В данном случае меня заинтересовал не только вопрос дисциплины, но и способ проявлять свою силу.

– Матросы и так доставляют нам довольно неприятностей, мистер Патгерст, и нам неинтересно слушать про них, – продолжал капитан Уэст таким ровным и невозмутимым тоном, как будто не слышал моих слов. – Я предоставляю моим помощникам управляться с матросами. Это их дело, и им известно, что я не потерплю незаслуженного грубого или чересчур сурового обращения с людьми.

Мистер Пайк упорно рассматривал скатерть, но на его деревянном лице чуть заметно скользнула тень веселой улыбки. Я взглянул на мисс Уэст, в надежде хоть встретить сочувствие. Она откровенно расхохоталась и сказала:

– Как видите, матросы для отца не существуют. И, право, это хороший взгляд на вещи.

– Очень хороший, – пробормотал мистер Пайк.

Тут мисс Уэст дипломатично перевела разговор на другое, и вскоре все мы от души смеялись, слушая ее остроумный рассказ о недавнем ее столкновении с бостонским извозчиком.

Обед кончился. Я прошел в мою каюту за папиросами и мимоходом заговорил с Вадой о поваре. Вада был большой любитель собирать всякие сведения.

– Его зовут Луи, – сказал он. – Он тоже китаец, только не совсем китаец: другая половина английская. Как называется этот остров?.. Знаете, тот остров, где долго жил Наполеон, там он и умер.

– Остров Святой Елены?

– Да, да. Вот этот самый Луи родился на том острове. Он очень хорошо говорит по-английски.

В эту минуту с палубы спустился мистер Меллэр, только что сменившийся с вахты. Он прошел мимо меня в большую кормовую каюту, где был уже накрыт второй обеденный стол. Его «Добрый вечер, сэр» было сказано с таким достоинством и так учтиво, как мог бы это сказать какой-нибудь старосветский джентльмен из южных штатов. И все-таки не нравился мне этот человек. Слишком расходилась его внешность с внутренним содержанием, скрывавшимся за ней. И в ту минуту, когда он поздоровался со мной и улыбнулся, я почувствовал, что что-то, сидящее в его черепе, наблюдает за мной, изучает меня. И не знаю почему, как бы по внезапному наитию, я вспомнил вдруг тех трех странного вида молодцов, вышедших из трюма последними, которым мистер Пайк сделал такое строгое внушение. Такое точно впечатление произвели на меня и они.

За мистером Меллэром со смущенным видом ковылял какой-то субъект, с лицом тупоумного ребенка и с телом великана. Ноги у него были еще больше, чем у мистера Пайка, но руки (я бросил быстрый взгляд на его руки) были не так велики.

Когда они прошли, я вопросительно взглянул на Ваду.

– Это плотник. Обедает за вторым столом. Зовут его Сэм Лавров. Приехал из Нью-Йорка на пароходе. Буфетчик говорит – слишком молод для плотника: двадцать два, двадцать три года.

Когда, подойдя к открытому вентилятору над моей конторкой, я снова услышал плеск воды, я вспомнил, что наше судно идет. Но так был ровен и бесшумен его ход, что, пока мы сидели за столом, мне в голову не приходило, что мы двигаемся и что вообще мы не на твердой земле. Я всю жизнь плавал на пароходах, привык к пароходам, и мне было трудно сразу приноровиться к отсутствию шума и тряски от вращающегося винта.

– Ну что, нравится тебе здесь? – спросил я Ваду, который, как и я, еще ни разу не плавал на парусном судне.

Он улыбнулся из вежливости.

– Смешной корабль. Смешные матросы. Не знаю, может быть, все будет хорошо. Увидим.

– Ты думаешь, кончится худо? – спросил я напрямик.

– Я думаю, матросы очень уж несуразные. Смешные матросы, – увильнул он от прямого ответа.

Глава VIII

Закурив папироску, я вышел на палубу и направился к баку, где шла работа. Над моей головой на звездном небе вырисовывались темные очертания парусов. Матросы поднимали паруса и делали это вяло и медленно, насколько мог судить такой новичок в этом деле, как я. Еле различимые силуэты человеческих фигур, выстроившихся в длинную линию, выбирали канаты. Работа шла среди унылого, гробового молчания, если не считать доносившегося со всех сторон рычания вездесущего мистера Пайка, отдававшего приказания или извергавшего проклятия на головы несчастных людей.

Судя по тому, что мне приходилось читать, уж конечно в старину ни одно судно не выходило в море так невесело и так неумело. Вскоре к мистериу Пайку присоединился мистер Меллэр для руководства ходом работ.

Еще не было восьми часов, и все руки были за работой. Время от времени, когда не действовали нерешительные внушения боцманов, я видел, как тот или другой из помощников капитана бросался к поручням и сам совал нужную веревку в руки матросам.

«Здесь, внизу, конечно, самые безнадежные из команды, – решил я. (По доносившимся сверху звукам голосов я знал, что на мачтах тоже работают люди.) – Наверное те, что там, наверху крепят паруса, все-таки больше похожи на моряков».

Но что творилось на палубе! Человек двадцать – тридцать жалких вырожденков тянули канаты, поднимая рею, – тянули без согласованных усилий, с мучительной медлительностью. «Живее! Живее! Понатужьтесь!» – орал мистер Пайк. Тогда они вытягивали канат на два, на три ярда и опять останавливались, как запаленные лошади на подъеме... Но как только кто-нибудь из помощников капитана подбегал к ним и налегал на канат со всей своей силой, канат продвигался дальше уже без остановок. Каждый из этих двух стариков, помощников капитана, по своей физической силе стоил полдюжины тех несчастных калек.

– Вот во что превратились плавания на парусных судах, – рявкнул мне в ухо мистер Пайк во время одной из передышек. – Не дело офицера выбирать фалы, работать, как простой матрос. Но что поделаешь, когда боцманы хуже команды!

– Я думал, матросы поют за работой, – сказал я.

– Конечно, поют. Хотите послушать?

Я почуял злорадство в его тоне, но все-таки ответил, что мне интересно послушать.

– Эй, боцман! – крикнул мистер Пайк. – Проснись! Затяни-ка песню! Про Падди Дойля – ну-ка!

Я мог бы поклясться, что во время наступившей паузы Сендри Байерс подтягивал обеими руками свой живот, а Нанси, с застывшим на лице мрачным отчаянием, облизывал губы языком и прочищал горло, собираясь начать.

Затянул песню Нанси, ибо, я уверен, другой смертный не способен был бы издать такие немзыкальные, такие некрасивые, безжизненные, неопишимо заунывные, похоронные звуки.

А между тем, судя по словам, это была веселая, ударная, разбойничья песня!

Бедняга Нанси грустно тянул:

Ой, хороши у Падди сапоги!

Убьем за сапоги мы Падди Дойля.

Тяни, тяни, потягивай, тяни!

– Довольно! Будет! – заорал мистер Пайк. – У нас тут не похороны. Неужели не найдется у вас запевалы? Ну-ка, попробуйте еще раз!

Он оборвал на полуслове, подскочил к матросам, выхватил у них из рук канат (они взялись было не за тот, за какой было нужно) и сунул им другой:

– Ну-ка, боцманы, другую песню! Валяй!

Тогда в темноте раздался голос Сендри Байерса, разбитый, слабый и, пожалуй, еще более похоронный, чем у Нанси:

Взвейся выше, выше, рея!

Водочки для Джонни!

Предполагалось, что вторую строчку подхватывает хор, но подтянули два-три человека – не больше. Сендри Байерс срывающимся голосом затянул дальше:

Убила водочка мою сестрицу Сью...

Но тут вступил в хор мистер Пайк. Ухватившись обеими руками за канат, он громко, с редким ухарством и шиком пропел:

И старичка она убила. Не беда!

Плесните водочки для Джонни.

И он допел до конца эту залихватскую песню, подбодряя команду к работе и заставляя ее подхватывать хором припев: «Водочки для Джонни».

И под его голос все ожили: тянули канат, подвигались вперед, пели, пока он разом не оборвал, скомандовав:

– Крепить снасти!

И тотчас же вся жизнь ушла из этих людей, и снова это были прежние никчемные существа, без толку топчущиеся на месте, спотыкающиеся и натыкающиеся в темноте друг на друга, нерешительно хватающиеся то за одну, то за другую веревку, и неизменно не за ту, за какую надо. Конечно, были между ними и такие, которые сознательно отлынивали от работы, а один раз со стороны средней рубки до меня донеслись звуки ударов, ругань и стоны, и из темноты выскочили два человека, а следом за ними пронесся мистер Пайк, грозя им самыми ужасными карами, если он еще хоть раз поймает их на такой штуке.

Все это подействовало на меня так удручающе, что я не мог выдерживать дальше: я повернул назад и поднялся на ют. По подветренной стороне командной рубки тихим шагом ходили взад и вперед капитан Уэст и лоцман. Я прошел дальше к штурвалу и там увидел того самого маленького, сухонького старичка, которого заметил еще днем. При свете фонаря его маленькие голубые глазки смотрели еще ехиднее и злее. Он был такой миниатюрный и сухой, а штурвал – такой большой, что они казались одной вышины. Лицо у него было обветренное, корявое, все в морщинах, и по виду он казался на пятьдесят лет старше мистера Пайка. Меньше всего можно было ожидать встретить в качестве рулевого на одном из наших лучших парусных судов такую ископаемую фигуру дряхлого старика. Позднее я узнал через Ваду, что его зовут Энди Фэй и что, по его словам, ему никак не больше шестидесяти трех лет.

Я прислонился к борту на подветренной стороне будки штурвала и стал смотреть на высокие мачты и на мириады веревок, слабо проступавшие в темноте. Нет, меня положительно не прельщало это плавание. Вся атмосфера здесь, на судне, была какая-то неприятная. И началось плохо. В течение нескольких часов я мерз на пристани, пока ждал парохода. А потом еще этот приятный сюрприз, когда оказалось, что мисс Уэст едет с нами. А эта команда из калек и помешанных!.. «Хотел бы я знать, – думал я, – торчит ли еще тот раненый грек в средней рубке и зашил ли его мистер Пайк?» Но я твердо знал одно – что я не хотел бы быть пациентом у такого хирурга.

Даже у Вады, никогда не плававшего на парусных судах, были свои сомнения насчет нашего путешествия. Были они и у буфетчика, который большую часть жизни провел на парусных судах. Что касается капитана Уэста, то для него команда не существовала. Ну, а мисс Уэст была так возмутительно нормально здорова, что не могла не быть оптимисткой в такого рода вещах. В ней жизнь была ключом. Ее красная кровь говорила ей, что она будет жить вечно и что ничего дурного не может случиться с ее великолепной особой.

О, верьте мне, я знаю, на что способна красная кровь! И таково было мое тогдашнее настроение, что это здоровое полнокровие мисс Уэст было для меня оскорблением, ибо я знал, как неразумна и как порывиста может быть красная кровь. И вот по меньшей мере пять месяцев – не даром же мистер Пайк предлагал держать пари на все его месячное жалованье, что мы не закончим рейса раньше этого срока, – по меньшей мере пять месяцев мне предстоит провести в обществе этой девицы. Как верно то, что космическая пыль есть космическая пыль, так же верно и то, что прежде чем кончится наше плавание, она начнет преследовать меня своей любовью.

Пожалуйста, не поймите меня превратно. Моя уверенность в этом вытекала отнюдь не из преувеличенно лестного мнения о моей привлекательности для женского пола, а только из моего далеко не лестного мнения о женщинах. Я считаю, что почти все женщины инстинктивно охотятся за мужчинами, – этот инстинкт вложен в них природой. Женщина тянется к мужчине с такою же слепую стихийностью, с какой подсолнечник тянется к солнцу, с какой цепляются усики виноградной лозы за все, за что только могут уцепиться.

Можете сказать, что я blase[б - Blase (фр.) – пресыщенный; скептический.], – я не обижусь, если только под этим словом вы подразумеваете пресыщение жизнью,

интеллектуальное и моральное, какое может постигнуть даже молодого, тридцатилетнего человека. Да, мне только тридцать лет, и я устал от жизни, устал и терзаюсь сомнениями. Потому-то я и пустился в это плавание. Мне хотелось уйти от всех этих переживаний, побыть наедине с самим собой и подумать, как жить дальше.

Мне иногда казалось, что пресыщение жизнью и усталость были вызваны успехом моей пьесы, – первой моей пьесы, как это всем известно. Но это был успех такого рода, что в моей душе он поднял сомнения, как поднял их и успех, нескольких томиков моих стихотворений. Права ли публика? Правы ли критики? Конечно, назначение художника – живописать жизнь, но что я знал о жизни?

Итак, теперь вы, может быть, начинаете понимать, что я разумею под болезнью, называющейся «пресыщение жизнью», которой я страдал. И я в самом деле страдал, страдал серьезно. Меня преследовали сумасшедшие мысли навсегда уйти от мира. У меня в голове даже сложилась была идея отправиться на Молокаи[7 - Молокаи – один из Гавайских островов, который вплоть до 1969 г. был одной из крупнейших в мире изолированных колоний для больных проказой.] и посвятить остаток моих дней прокаженным. Такая дикая идея у тридцатилетнего человека, здорового и сильного, не пережившего никакой особенной трагедии, обладающего таким огромным доходом, что он не знал, куда его девать, – у человека, чье имя, благодаря его заслугам, было у всех на устах, у человека, доказавшего свое право на внимание общества! И я был этим сумасшедшим человеком, который был готов избрать себе в удел уход за прокаженными.

Могут, пожалуй, сказать, что успех вскружил мне голову. Прекрасно, допустим, что так. Но от чего бы ни происходила моя болезнь, хотя бы даже от успеха, вскружившего мне голову, она была фактом, – неопровержимым фактом. Мне было хорошо известно, что я достиг полного умственного и артистического развития, что я достиг в некотором роде границы своего развития. И я поставил диагноз моей болезни и прописал себе лекарство – путешествие. И вдруг появляется эта возмутительно здоровая и глубоко женственная мисс Уэст и едет с нами. Это был последний из ингредиентов, какой могло прийти мне в голову включить в рецепт прописанного мною лекарства.

Женщины! Женщины! Видит бог, меня достаточно изводили их преследования, чтобы я мог не знать их. Судите сами: тридцать лет отроду, не совсем урод, занимает видное положение в свете как интеллигентный человек и художник, и

сногшибательный доход, – как же не гоняться за таким человеком! Да будь я горбун, калека, урод, за мной гонялись бы уже из-за одного моего имени, из-за одних моих денег.

Да и любовь! Разве не знал я любви – лирической, страстной, безумной, романтической любви! И это тоже испытал я в свое время. Я тоже трепетал и пел, рыдал и вздыхал. И горе знал, и хоронил своих мертвых. Но это было так давно! Ох, как я был тогда молод! Мне едва исполнилось двадцать четыре года тогда. А после того жизнь преподала мне тяжелый урок, и я понял горькую истину, что даже бессмертное горе умирает. И я опять смеялся и принимал участие в игре в любовь с хорошенькими свирепыми мотыльками, летевшими на свет моего богатства и артистической славы. А потом я с отвращением отвернулся от женских приманок и пустился в новую длительную авантюру ломанья копий в царстве мысли. И вот теперь очутился на борту «Эльсиноры», выбитый из седла столкновением с конченными проблемами жизни, выбывший из строя с проломленной головой.

Пока я стоял у борта, стараясь отогнать мрачные предчувствия насчет нашего плавания, мне вспомнилось, как мисс Уэст энергично хлопотала внизу над разборкой своего багажа и как весело она напевала, устраивая свое гнездышко. А от нее мысль моя перенеслась к извечной тайне женщины.

Да, со всем моим футуристическим презрением к женщине я всегда вновь и вновь поддавался этим чарам – чарам тайны женщины.

Я не создаю себе иллюзий – боже меня упаси! Женщина, ищущая любви, воительница и победительница, хрупкая и свирепая, нежная и жестокая, гордая, как Люцифер, и лишённая всякого самолюбия, представляет вечный, почти болезненный интерес для мыслителя. Где источник того огня, что прорывается сквозь все ее противоречия, сквозь ее измененные инстинкты? Откуда эта ненасытная жажда жизни, вечная жажда жизни – жизни на нашей планете? Иногда мне это кажется чем-то ужасным, бесстыдным и бездушным. Иногда меня это сердит. А иногда я преклоняюсь перед величием этой тайны. Нет, нельзя убежать от женщины. Как дикарь всегда возвращается в темный бор, где обитают злые духи, а может быть, боги, так и я всегда возвращаюсь к созерцанию женщины.

Голос мистера Пайка прервал мои размышления. С бака через все судно несся его рев:

– Эй, вы там! На верхнюю рею!.. А ты смотри: только оборви мне ревант, я тебе башку проломлю.

Он опять закричал, но уже не таким грубым голосом. Теперь он обращался к Генри – тому юноше, который поступил на «Эльсинору» с учебного судна.

– Эй, Генри, на верхнюю рею! – кричал он. – Прочь эти реванты! Закрепи их на рее!

Выведенный таким образом из задумчивости, я решил лечь спать. Я уже взялся за ручку двери рубки, чтобы спуститься вниз, когда мне вслед опять прогремел голос мистера Пайка.

– Ну-ка, молодчики, переодетые дворянские сынки! Проснитесь! Живо наверх!

Глава IX

Я плохо спал. Сначала зачитался и долго читал в постели. Только в два часа утра я погасил керосиновую лампу, которую Вада достал для меня. Заснул я мгновенно (способность скоро засыпать – самое драгоценное мое свойство), но почти тотчас же проснулся. И с той минуты началось: я беспокойно метался, стараясь заснуть, задремывал и вдруг, как от толчка, опять просыпался и наконец бросил пытаться заснуть. Я чувствовал какое-то раздражение по всей коже. Недоставало только, чтобы при моих расстроенных нервах я заболел крапивной лихорадкой, да еще в холодную зимнюю пору.

В четыре часа я зажег лампу, взялся опять за книгу и позабыл про свою раздраженную кожу, увлекшись восхитительными выпадами Вернон Ли против Вильяма Джемса и его «воли к вере»[8 - Вернон Ли (настоящее имя Вайолет Паже) – английская писательница, переводчица, автор многочисленных эссе об искусстве. Джеймс Уильям – американский философ-идеалист, психолог; представитель радикального эмпиризма, один из основателей прагматизма.]. Я был на наветренной стороне судна, и мне слышны были раздававшиеся на палубе над моей головой мирные шаги вахтенного офицера. Это не были шаги мистера Пайка, или мистера Меллэра, или лоцмана. «Значит, там наверху кто-то

бодрствует, и работа идет своим чередом, – думал я. – За ходом судна бдительно наблюдают и – ясное дело – будут наблюдать каждый час и все часы нашего плавания».

В половине пятого я услышал звон будильника, который буфетчик тотчас же остановил. Через пять минут буфетчик встал.

Я поманил его рукой в мою открытую дверь и попросил подать мне кофе. Вада служил у меня уже несколько лет, и я был уверен, что он отдал буфетчику самые точные инструкции на этот счет и передал ему мой кофе и мой спиртовой кофейник.

Буфетчик был настоящее золото. Через десять минут он подал мне чашку превосходного кофе. Я читал до самого рассвета, а в половине девятого, позавтракав в постели, был уже на палубе, выбритый и одетый. Дул легкий попутный северный ветер. Мы все еще шли на буксире, но с поднятыми парусами. В командной рубке капитан Уэст и лоцман курили сигары. У штурвала стоял человек, про которого я тотчас же решил, что он настоящий работник. Он был невысок – ниже среднего роста; лицо у него было интеллигентное, с широким умным лбом. Потом мне сказали, что зовут его Том Спинк и что он англичанин. У него были голубые глаза, светлая кожа, в волосах заметно пробивалась седина, и на глаз ему смело можно было дать лет пятьдесят. На мое приветствие он весело ответил: «С добрым утром, сэр» – и, произнося эти простые слова, улыбнулся. Он не был похож на моряка, как Генри, юнга с учебного судна, и все-таки я сразу почувствовал, что он – моряк, и опытный моряк.

На вахте стоял мистер Пайк, и на мое одобрительное замечание о Томе Спинке он ворчливо согласился, что этот человек – «лучший из всего котла».

Из командной рубки вышла мисс Уэст своей живой, эластичной походкой, розовая после сна, и немедленно начала устанавливать свои отношения с внешним миром. Когда на ее вопрос, как я спал, я ответил: «Отвратительно», она потребовала объяснения. Я ей сказал о моей предполагаемой крапивнице и показал волдыри на руках.

– Вам надо очистить кровь, – быстро решила она. – Погодите минутку. Я посмотрю, не найдется ли у меня чего-нибудь для вас.

С этими словами она сбежала вниз и мигом вернулась со стаканом воды, в которой развела чайную ложку кремортарта[9 - Кремортартар – белый винный камень, в очищенном виде имеет довольно широкое применение в медицине.].

- Выпейте! – приказала она безапелляционным тоном.

Я выпил. А в одиннадцать часов (я сидел на палубе) она подошла к моему стулу со второй порцией того же снадобья и, кстати, распекла меня за то, что я позволяю Ваде кормить Поссума мясом. От нее мы с Вадой и узнали, что давать мясо маленьким щенкам – смертный грех. Затем она предписала диету для Поссума и дала на этот счет строгий наказ не только мне и Ваде, но и буфетчику, и плотнику, и мистеру Меллэру. К двум последним она отнеслась особенно подозрительно, так как они обедали за отдельным столом в большой задней каюте, где Поссум часто играл, и, не стесняясь, высказала им свои подозрения прямо в глаза. При этом плотник робким тоном бормотал что-то непонятное на ломаном английском языке, стараясь уверить ее в своей невинности как в прошлом, так и в настоящем и в будущем, и со сконфуженным видом топтался перед ней на своих огромных ногах. Оправдания мистера Меллэра были такого же характера, с тою лишь разницей, что произносились с мягкостью и галантностью лорда Честерфильда.

Короче, питание Поссума подняло целую бурю в домашнем обиходе «Эльсиноры», а к тому времени, когда буря улеглась, между мисс Уэст и мной установилась своего рода близость: у меня явилось такое чувство, что мы с ней оба хозяева щенка. Позднее, днем я заметил, что Вада уже не ко мне, а к мисс Уэст обращается за инструкциями относительно количества теплой воды, каким следует разбавлять сгущенное молоко для Поссума, и так далее.

Завтрак, так же как и обед накануне, заслужил мое полное одобрение и еще более возвысил повара в моих глазах. Перед обедом я прогулялся в кухню, чтобы познакомиться с поваром. Он был несомненно китаец, пока не начинал говорить, а если судить только по его голосу – он был англичанин. Он говорил таким культурным языком, что я не преувеличил бы, если бы сказал, что он говорит как оксфорддец. Он был тоже старик, по меньшей мере шестидесятилетний (сам он сознавался в пятидесяти девяти). Самым заметным в его наружности были три вещи: улыбка, освещавшая всё его начисто выбритое азиатское лицо и азиатские глаза; ровные, белые, великолепные зубы (я даже думал, что они искусственные, пока Вада не уверил меня, что они настоящие) и его руки и ноги. Руки, до смешного маленькие и очень красивые, заставили меня обратить

внимание на его ноги. Ноги были тоже замечательно малы и очень аккуратно, почти щегольски обуты.

В полдень мы высадили лоцмана, но «Британия» вела нас на буксире до самого обеда и отпустила только тогда, когда нас окружал широкий океан и земля казалась лишь неясным пятнышком на западном горизонте. Собственно, только с того момента, как мы расстались с «Британией», можно было считать, что мы «вышли в море», то есть начали плавание в буквальном смысле, хотя прошли уже весь двадцатичетырехчасовой путь от Балтиморы до океана.

Незадолго до того, как мы отпустили буксир, я стоял на корме и смотрел вперед, облокотившись на перила. В это время ко мне подошла мисс Уэст. Она весь день была занята в своей каюте и теперь вышла подышать воздухом, сказала она. Минут пять она с видом опытного моряка осматривала горизонт, затем сказала:

– Барометр стоит очень высоко – 30.60[10 - Показания барометра даны в дюймах ртутного столба (inHg)]. Этот легкий северный ветер недолго продержится. Он или совсем стихнет, или перейдет в северо-восточный шторм.

– Что бы вы предпочли? – спросил я.

– Разумеется, шторм. Он отнесет нас от берега и поможет мне скорее справиться с морской болезнью... О да, – добавила она, – я хороший моряк, но я ужасно страдаю от качки в начале каждого плавания. Теперь вы, вероятно, не увидите меня дня два. Вот почему я так торопилась устроиться в своей каюте.

– Я читал, что лорд Нельсон никогда не мог преодолеть своего отвращения к морю, – сказал я.

– Отца тоже укачивает иногда; мне случалось видеть его в этом состоянии, – сказала она. – Да, даже самые крепкие, самые закаленные моряки часто страдают от качки.

Тут к нам присоединился мистер Пайк, прекратив на минуту свое вечное хождение взад и вперед, и стал рядом с нами, облокотившись на перила.

Нам видна была большая часть команды, выбиравшей канаты на главной палубе под нами. На мой неопытный глаз, эти люди не внушали никакого доверия.

– Незавидная команда – как вы находите, мистер Пайк? – заметила мисс Уэст.

– Чего уж хуже! – проворчал мистер Пайк. – А я уж, кажется, довольно насмотрелся всяких команд. Теперь мы их учим обращаться с талями.

– У них голодный вид, – вставил я.

– Да так оно и есть: они почти всегда приходят к нам голодными, – отозвалась мисс Уэст, и глаза ее остановились на матросах с тем самым выражением оценивающего скот скотопромышленника, какое я подметил раньше у мистера Пайка. – Но это ничего: от регулярной жизни они скоро растолстеют. Не будут водки пить, будут хорошо питаться – и живо поправятся. Не правда ли, мистер Пайк?

– Конечно. Они всегда поправляются на море. Вот вы увидите, как они оживут, когда мы приберем их к рукам... если нам это удастся. А все-таки препаршивый народ.

Я взглянул вверх, на широкие полотнища парусов. Наши четыре паруса, казалось, занимали все место, на каком только можно было распустить паруса, а между тем матросы под наблюдением мистера Меллэра натягивали между мачтами еще какие-то треугольные паруса вроде кливеров, и их было так много, что они заходили один на другой. Люди работали так неловко и так медлительно, что я спросил:

– А что бы вы делали, мистер Пайк, с этой зеленой командой, если бы вот сейчас налетел шторм на всю паутину из парусов?

Он пожал плечами с таким видом, точно я спросил, что бы он делал, если бы его застигло землетрясение посреди улицы и с двух сторон ему валились бы на голову нью-йоркские небоскребы.

– Что бы мы делали? Убрали бы паруса, – ответила за него мисс Уэст. – О, будьте покойны, мистер Патгерст, это можно сделать со всякой командой. Если бы это

было недостижимо, я бы давно уже утонула.

– Так же, как и я. Совершенно верно, – поддержал ее мистер Пайк.

– В критические минуты офицеры делают чудеса с самой плохой командой, – добавила мисс Уэст.

Мистер Пайк снова подтвердил ее слова одобрительным кивком, и я заметил, как его огромные лапы, перед тем свободно лежавшие на перилах, бессознательно напряглись и сжались в кулаки. Заметил я и свежие ссадины на суставах его пальцев. Вдруг мисс Уэст весело рассмеялась, точно вспомнив о чем-то.

– Помню, один раз шли мы из Сан-Франциско с самой безнадежной командой. Это было на «Лалла Рук». Помните вы «Лалла Рук», мистер Пайк?

– Пятое судно под командой вашего отца. Как не помнить? Оно потом погибло на западном берегу во время землетрясения. Его сорвало с якорей и набежавшей волной выкинуло на берег прямо под скалу, и скала обрушилась на него.

– Ну да, вот это самое судно. Ну-с, так состав команды был тогда такой: чернорабочие, каменщики, погонщики скота и бродяги. Больше всего было бродяг. Не могу себе представить, откуда выкопали наши агенты такой сброд. Много было между ними и китайцев. Посмотрели бы вы на них, когда их в первый раз послали на ванты. Клоуны – да и только, лучше всякого цирка. – Она опять рассмеялась. – И как только мы вышли в открытое море, задул жестокий ветер, и пришлось убрать часть парусов. Вот тут-то наши офицеры и показали себя. Как они управились – один бог знает! Это было какое-то чудо... Помните мистера Гардинга, Сайлеса Гардинга, мистер Пайк?

– Еще бы не помнить! – с восторгом подхватил мистер Пайк. – Человек был, настоящий человек. И ведь уже и тогда был старик.

– Да. Страшный человек, – проговорила она, и добавила почти с благоговением: – Удивительный человек! – Она повернулась ко мне. – Он служил на «Лалла Рук» помощником капитана. Матросы были самые жалкие, неумелые люди – новички. Почти всех укачало. Но мистер Гардинг все же ухитрился убрать паруса... Ах да, я вот что хотела рассказать... Я стояла на корме, вот как сейчас, а кучка этих

оборванцев под наблюдением мистера Гардинга устанавливала реванты на марселе. На какой это будет высоте от палу бы, мистер Пайк?

– Позвольте... «Лалла Рук»... – Мистер Пайк помолчал, соображая. – Да около ста футов будет, я думаю.

– Мне и самой так казалось. Ну вот, один из новичков, бродяга (должно быть, он уже попробовал тяжелую руку мистера Гардинга) сорвался с марса-реи. Я была тогда еще девочкой, но и я понимала, что это верная смерть, потому что он падал с наветренной стороны судна прямо на палубу. Но он попал на парус, в самую середину, и это ослабило его падение. Он перекувырнулся и стал на палубу на ноги, целый и невредимый. И очутился против мистера Гардинга лицом к лицу. Не знаю, кто из двух больше удивился, но думаю, что мистер Гардинг, потому что он буквально остолбенел. Он ожидал, что этот человек убьется. А тот... Казалось бы, он должен был совсем растеряться. Не тут-то было: он только взглянул на мистера Гардинга и отскочил, потом, как кошка, стал карабкаться на снасти и мигом взобрался на ту же самую марса-рею.

Мисс Уэст и мистер Пайк смеялись так громко, что я даже не понимаю, как они слышали, когда я сказал:

– Удивительно! Воображаю, как должно было подействовать на нервы этого человека, пока он падал, сознание, что его ожидает верная смерть.

– Очевидно, вид мистера Гардинга подействовал на него сильнее, – проговорил мистер Пайк с новым взрывом смеха, к которому присоединилась и мисс Уэст.

Все это было очень хорошо в своем роде. Море есть море, и судно есть судно, и судя по тем экземплярам команды, какие я видел, суровое обращение с ними было необходимо. Но то, что молодая женщина, такая изящная, как мисс Уэст, знала о подобных вещах и была до такой степени поглощена этой стороной судовой жизни, было уже нехорошо. Нехорошо – с моей точки зрения, хотя я, сознаюсь, был заинтересован, и благодаря такому факту мне становилась понятнее реальная жизнь. А все-таки, чтобы мириться с такими вещами, надо было иметь крепкие нервы, и мне неприятно было думать, что мисс Уэст так очерствела.

Я взглянул на нее и не мог еще раз не заметить, как плотна и тонка ее кожа. У нее были темные волосы и темные брови, почти прямые и низко лежавшие над глазами. Глаза были серые, теплого серого цвета, с продолговатым разрезом и со спокойным, открытым выражением – умные и живые глаза. Пожалуй, и вообще самым характерным выражением ее лица было большое спокойствие. Казалось, она не знает волнений и всегда пребывает в согласии с самой собой и с внешним миром. Самым красивым в ее лице были глаза, окаймленные темными, как и брови и волосы, ресницами. Замечательно красив был и ее нос, совершенно прямой, напоминавший нос ее отца. Безукоризненные очертания переносицы и ноздрей бесспорно свидетельствовали о хорошей породе.

Рот у нее был подвижной, с красивым изгибом тонких губ, – благородный, выразительный рот, не очень большой, но и не маленький; я бы сказал – богатый рот, богатый по разнообразию выражений, выражавший силу в серьезные минуты и умевший хорошо смеяться. Вся ее здоровая, живая натура сказывалась в очертаниях этого рта и в глазах. Когда она улыбалась, зубов не было видно: улыбалась она больше глазами. Но когда она смеялась, вы видели два ряда крепких, ровных белых зубов, не маленьких, как у ребенка, а как раз тех сильных, нормальной величины зубов, какие ожидаешь увидеть у такой здоровой, нормальной женщины, как она.

Я не назвал бы ее красавицей, а между тем она обладала многими данными, делающими женщину красивой. У нее была красота сочетания красок, здоровая белизна кожи, которую подчеркивали темные волосы, темные ресницы и брови. А темные ресницы и брови и белизна кожи только ярче выставляли теплые тона ее серых глаз. Лоб у нее был не слишком широкий и не очень высокий, но совершенно гладкий. На нем не видно было ни одной морщинки, ни намек на излишнюю чувствительность или нервность, ни следа мрачных дней упадка духа и белых, бессонных ночей.

Бесспорно, у нее были все необходимые атрибуты здоровой человеческой самки, не знавшей ни горя, ни тяжелых забот, все признаки нормальной женщины с крепким телом, в котором все процессы совершались автоматически, без всяких трений.

– Сейчас мисс Уэст показала себя в новой роли предсказательницы погоды, – сказал я мистеру Пайку. – Интересно, что вы предскажете насчет ближайшей погоды?

– Неудивительно, что мисс Уэст берется предсказывать погоду, – отозвался мистер Пайк, переводя глаза с тихо волнующегося моря на небо. – Она не в первый раз плывет по северной части Атлантического океана зимой. – С минуты он соображал, изучая море и небо. – Принимая во внимание высоту барометра, я бы сказал, что скоро или поднимется небольшой северо-восточный ветер, или наступит полный штиль. Но больше шансов в пользу штиля.

Мисс Уэст одарила меня торжествующей улыбкой и вдруг схватилась за перила, так как в этот момент «Эльсинору» подкинуло особенно высокой волной и разом бросило в провал между волнами, так что все паруса ослабли и заполоскались с глухим рокотом.

– Так и есть – штиль, – проговорила мисс Уэст с легкой гримаской. – Если будет так продолжаться, я через пять минут буду лежать пластом на моей койке.

Она отмахнулась от изъявлений моего сочувствия.

– Не беспокойтесь обо мне, мистер Патгерст. Правда, морская болезнь противна и неприятна, как противна всякая грязь или дождливая погода. Но это пройдет. Во всяком случае морскую болезнь я предпочитаю крапивной лихорадке.

Внизу с матросами было что-то неладное: чего-то они не поняли, в чем-то промахнулись – это было ясно, так как мистер Меллэр вдруг повысил голос. У него, как и у мистера Пайка, была манера рычать на людей, что очень неприятно резало ухо.

У многих матросов были на лицах синяки, а у одного так распух глаз, что совсем закрылся.

– Похоже на то, что он впотьмах наткнулся на пиллерс[11 - Пиллерс – деревянный или металлический брус (стойка), поддерживающий вышележащую палубу судна.], – заметил я.

Как нельзя более красноречив был быстрый взгляд, бессознательно брошенный мисс Уэст на лежавшие на перилах огромные лапы мистера Пайка со свежими ссадинами на суставах пальцев. Это было ударом кинжала мне в сердце: она знала.

Глава X

В тот вечер нас обедало в столовой только трое: «Эльсинору» раскачивало мертвой зыбью наступившего штиля, заставившей мисс Уэст спрятаться в своей каюте.

– Теперь вы не увидите ее несколько дней, – сказал мне капитан Уэст. – Совершенно то же бывало и с ее матерью. Она была прирожденным моряком, но ее укачивало в начале каждого плавания.

– Это обычная встряска от перемены обстановки.

Мистер Пайк удивил меня: еще ни разу я не слышал от него за столом такой длинной фразы.

– Каждый из нас, расставшись с сушей, испытывает эту встряску. Приходится забыть о покойных днях на берегу, обо всех хороших вещах, которые можно получить за деньги, и отстаивать вахту за вахтой – четыре часа на палубе и четыре внизу. Это не легко достается, – нервы натягиваются, и чувствуешь себя очень скверно, пока не привыкнешь к перемене. Приходилось вам, мистер Патгерст, слышать в Нью-Йорке этой зимой Карузо и Бланш Арраль?

Я кивнул, все еще удивляясь такой его многоречивости за столом.

– Ну вот, вы только представьте себе: слушать их всех – и Карузо, и Бланш Арраль, и Уизерспуна, и Амато, – слушать в столице вечер за вечером, а потом распрощаться со всем этим, выйти в море и отбывать вахту за вахтой. Оно не слишком приятно.

– Вы не любите моря? – спросил я.

Он вздохнул.

– Не знаю. Я ведь ничего не знал, кроме моря.

– И музыки, – вставил я.

– Да. Но море и бесконечные плавания лишили меня большей части той музыки, какую я хотел бы наслаждаться.

– Вы, вероятно, слышали Шуман Гейнк?

– Поразительно! Поразительно! – пробормотал он с благоговением и взглянул на меня. В его глазах стоял нетерпеливый вопрос. – Если хотите... у меня есть с полдюжины ее пластинок, а до ночной моей вахты еще далеко. Если капитан Уэст разрешит... – Капитан Уэст кивнул в знак того, что он разрешает. – Так хотите послушать? У меня довольно хороший граммофон.

Затем, к моему изумлению, как только буфетчик убрал со стола, этот заплесневелый старый пережиток былых дней жестокой кулачной расправы с людьми, этот выдавший всякие виды, потрепанный морем обломок вынес из своей каюты граммофон с великолепнейшей коллекцией пластинок и все это расставил и разложил на столе. Открыли настежь широкие двери каюты, образовав таким образом из столовой и задней каюты одну большую комнату. Мы с капитаном Уэстом расположились в широких кожаных креслах в задней каюте, пока мистер Пайк устанавливал граммофон. Его лицо было освещено висячими лампами, и каждый оттенок выражения на этом лице был ясно виден мне.

Я ожидал услышать какой-нибудь популярный мотив – и ошибся. Мистер Пайк, очевидно, признавал только серьезную музыку, и его бережное обращение с пластинками уже само по себе было откровением для меня. Каждую пластинку он брал в руки как святыню, с почтительной осторожностью развязывал, развертывал ее и, прежде чем поставить под иголку, обчищал мягкой щеточкой из верблюжьего волоса. В первые минуты я видел только огромные грубые руки грубого человека, с ободранными суставами пальцев, – грубые руки, в каждом движении которых чувствовалась любовь. Каждое прикосновение их к пластинкам было лаской, и пока пластинка звучала, он стоял над ней в благоговении, уносясь мечтой в какой-то рай небесной музыки, известный ему одному.

Все это время капитан Уэст сидел, откинувшись на спинку кресла, и курил сигару. Его лицо ничего не выражало, музыка его не трогала; по-видимому, он

вита́л где-то далеко. Я склонен думать, что он даже не слышал граммофона. Он не делал никаких замечаний, ничем не проявлял ни одобрения, ни неодобрения исполнявшейся пьесе. Он казался сверхъестественно невозмутимым, сверхъестественно далеким. И наблюдая за ним, я спрашивал себя, в чем состоят его обязанности. Ни разу я не видел, чтобы он что-нибудь делал. Мистер Пайк наблюдал за нагрузкой судна. Капитан Уэст явился на борт только тогда, когда судно было готово к отплытию. Ни разу я не слышал, чтобы он отдавал приказания. Выходило так, как будто всю работу делали мистер Пайк и мистер Меллэр. А капитан Уэст только курил сигары, знать не хотел своей команды и пребывал в блаженном неведении того, что творилось на «Эльсиноре».

Когда граммофон кончил хор – «Аллилуйя» из оратории «Мессия» и псалом «Он накормит стадо свое», – мистер Пайк сказал мне почти извиняющимся тоном, что он любит духовную музыку, может быть, потому, что, когда он был мальчиком, ему пришлось петь в церковном хоре Сан-Франциско.

– А потом я ударил попа по голове палочкой дирижера. Пришлось удирать, и я опять ушел в море, – заключил он с жестким смехом.

И вслед за тем он опять замечтался над мейерберовским «Царем Небесным» и над «О, покойся во Господе» Мендельсона.

Когда пробило три четверти восьмого, он старательно завернул свои пластинки и унес их вместе с граммофоном к себе в каюту. Я побыл с ним, пока он свертывал себе папиросу в ожидании восьми часов.

– У меня еще много хороших вещей, – сказал он мне конфиденциальным тоном. – Кенена «Придите ко мне», «Распятие» Фора, а потом еще «Поклонимся Господу» и «Свете тихий» для хора. А еще вот «Иисус, возлюбленный души моей». Это такая прелесть! – за сердце хватает. Как-нибудь вечером я вам сыграю все это.

– Вы верующий? – спросил я его.

Это восторженное преклонение перед духовной музыкой и эти грубые руки мясника... Я не мог отделаться от этого впечатления, что и побудило меня задать мой вопрос.

Он заметно колебался, прежде чем ответил: – Я верю... когда слушаю эти вещи.

* * *

Я опять отвратительно спал ночью. Не выспавшись накануне, я рано закрыл книгу и погасил лампу. Но не успел я задремать, как меня опять разбудил приступ крапивной лихорадки. Весь день она не беспокоила меня, но как только погасил лампу и уснул, опять начался этот проклятый зуд во всем теле. Вада еще не ложился, и я попросил его принести мне порцию кремортартара. Это не помогло, и в полночь я накинул халат и поднялся на ют.

Мистер Меллэр только что начал свою четырехчасовую вахту. Он ходил взад и вперед по левой стороне кормы. Я тихонько пробрался за его спиной мимо рулевого, которого не узнал, и укрылся от ветра на подветренной стороне будки штурвала.

И снова, глядя на смутно проступавшие в темноте сложные сплетения снастей и очертания высоких мачт с поставленными парусами, я вспомнил бестолковую, полоумную команду, и сердце у меня сжалось от предчувствия беды. Можно ли рассчитывать на благополучное плавание с такой командой и на таком огромном судне, как «Эльсинора», представлявшем лишь тонкую полудюймовую стальную скорлупу с грузом угля в пять тысяч тонн весом! Страшно было и думать об этом. Это путешествие не ладилось с самого начала. И в том мучительном, неуравновешенном состоянии, какое вызывается у каждого нормального человека отсутствием сна, я, разумеется, не мог не прийти к заключению, что нашему плаванью не суждено окончиться благополучно.

Но что в действительности готовила нам судьба, о том не могло и пригрезиться не только мне, но даже сумасшедшему.

Я вспомнил мисс Уэст с ее красною кровью, – мисс Уэст, которая всегда жила полной жизнью и не сомневалась, что будет жить вечно. Вспомнил мистера Пайка, любителя музыки, дающего волю рукам. Многие, даже еще более крепкие представители блаженной памяти прошлого выходили в море, не подозревая, что это их последнее плавание. А капитан Уэст?.. Ну, этот не шел в счет. Он был существом слишком нейтральным, слишком далеким, чем-то вроде привилегированного пассажира, на котором не лежало никаких обязанностей, которому предоставлялось безмятежно и пассивно пребывать в некоей нирване собственного его изобретения.

Затем я вспомнил сумасшедшего грека, который изранил себя и которого зашивал мистер Пайк, – вспомнил, что он лежит теперь между стальными стенами средней рубки в безумном бреде. Эта картина почти заставила меня решиться, ибо в моем лихорадочно возбужденном воображении этот грек олицетворял собой все это беспомощное сборище сумасшедших и идиотов. Конечно, я еще мог вернуться к Балтимору. Слава богу, у меня нет недостатка в деньгах, и я мог позволить себе такую прихоть. Как-то раз мистер Пайк на мой вопрос сказал мне, что, по его подсчету, затраты на содержание «Эльсиноры» составляют около двухсот долларов в день. Ну что ж, я мог заплатить не то что двести, а хоть тысячу долларов в день за те несколько дней, которые понадобились бы, чтобы доставить меня на берег, или на лоцманское судно, или на какое-нибудь судно, идущее к Балтимору.

Я был уже почти готов сойти вниз, поднять с постели капитана Уэста и сообщить ему о принятом мною решении, но тут мне пришло в голову такое соображение: «Так, стало быть, ты, мыслитель и философ, страдающий пресыщением жизнью, боишься утонуть, перестать существовать, погрузиться во мрак небытия?» И вот потому только, что я был горд моим презрением к жизни, капитан Уэст был спасен: его сон не был нарушен. Конечно, сказал я себе, я доведу до конца эту авантюру, если только можно назвать авантюрой путешествие вокруг мыса Горна на судне, населенном сумасшедшими, и даже хуже, ибо я вспомнил тех трех субъектов вавилоно-палестинского типа, которые вызвали взрыв гнева со стороны мистера Пайка и смеялись таким беззвучным, страшным смехом.

Ночные мысли! Мысли, навеянные бессонницей! Я отогнал их и направился вниз, продрогший до костей. В дверях капитанской рубки я столкнулся с мистером Меллэром.

– Добрый вечер, сэр, – приветствовал он меня. – Досадно, нет ветра, чтобы нас отнесло подальше от берега.

Я помолчал с минуту, потом спросил:

– Какого вы мнения о команде?

Он пожал плечами.

– Я видел в свое время много всяких команд, но такой разнокалиберной, такой несуразной команды никогда не видал. Все какие-то мальчишки, или старики, или калеки. Видели вы Тони – того сумасшедшего грека, что бросился тогда в воду? И это только начало. Он только образчик многих таких, как он. В моей смене есть один ирландец, огромный детина; так с ним тоже что-то неладно. А заметили вы маленького старикашку-шотландца, сухого, как треска?

– Того, у которого такой сердитый вид? Третьего дня он стоял на руле.

– Да, да, этот самый, Энди Фэй. Так вот этот Энди Фэй только что жаловался мне на О'Сюлливана. Уверяет, что О'Сюлливан грозился убить его, что будто, когда он, Энди Фэй, сменился с вахты в восемь часов, он застал О'Силлювана на том, что тот точил бритву. Да лучше я вам все передам словами самого Энди Фэя:

«Говорит мне О'Сюлливан: «Мистер Фэй, я хочу сказать вам два слова». – «Сделайте милость, – говорю. – Чем могу быть вам полезен?» – «Продайте мне ваши непромокаемые сапоги, мистер Фэй», – говорит он, – учтиво так говорит, надо отдать ему справедливость. – «А на что вам мои сапоги?» – говорю. – «Мне они очень нужны, – говорит, – и вы сделаете мне большое одолжение, если уступите их». – «Да ведь это единственная моя пара, – говорю, – а у вас есть ваши сапоги». – «Мистер Фэй, свои я ношу только в дурную погоду», – говорит он. – «А кроме того, как же вы их купите? Ведь у вас нет денег», – говорю. – «Я заплачу вам, когда нам выдадут жалованье в Ситтле». – «Нет, – говорю, – я не согласен. И потом вы не сказали, что вы думаете с ними делать». – «Так я вам скажу: я их выброшу за борт», – говорит. Тут уж я увидел, что с ним не столкнешься, и повернулся уходить, а он и говорит, все так же учтиво, медовым таким голосом, а сам все точит бритву: – «Мистер Фэй, – говорит, – не подойдете ли вы поближе ко мне, чтобы я мог перерезать вам горло?» Тогда я понял, что жизнь моя в опасности, и вот пришел вам доложить, сэр, что этот человек – буйный сумасшедший».

– Или скоро будет таким, – сказал я. – Я еще вчера его заметил: высокий малый и все бормочет что-то про себя.

– Да, он самый, – подтвердил мистер Меллэр.

– И много таких у нас на судне? – спросил я.

– Больше, чем я желал бы.

В эту минуту он закуривал папиросу. Вдруг быстрым движением он сдернул с головы фуражку, наклонил голову и поднял над ней горящую спичку, чтобы мне было виднее.

Я увидел поседевшую голову с почти облысевшей макушкой, лишь местами покрытой редкими длинными волосами. И через все темя, исчезая в более густой бахrome волос над ушами, проходил огромный и глубокий шрам. Я видел его одно лишь мгновение, пока горела спичка, и, может быть, поэтому и еще потому, что этот шрам поразил меня своими размерами, – он показался мне больше, чем был, но я готов поклясться, что в него свободно вошли бы два моих пальца и что шириной он был тоже по меньшей мере в два пальца. Кости в этом месте как будто совсем не было, а была только огромная щель, глубокая впадина, затянутая кожей, и я был уверен, что непосредственно под этой кожей помещается мозг.

Он надел фуражку и засмеялся, очень довольный эффектом своей демонстрации.

– Я этим обязан сумасшедшему повару на одном судне, мистер Патгерст: он рассек мне голову сечкой. Мы были тогда в Южном Индийском океане, за тысячи миль от земли, но этому человеку взбрело в его безумную голову, что мы стоим в Бостонской гавани и я не позволяю ему съехать на берег. В ту минуту я стоял спиной к нему и так и не понял, что свалило меня с ног.

– Но как могли вы оправиться от такой страшной раны? – удивился я. – Должно быть, вы очень живучи, и, вероятно, у вас на судне был очень хороший хирург.

Он покачал головой.

– Хирург тут ни при чем. Меня спасла моя живучесть, конечно, и еще... патока.

– Патока?

– Да. У нашего капитана было старомодное предубеждение против антисептики. Он всегда употреблял патоку при перевязке свежих ран. Много томительных

недель провалялся я на своей койке (переход был длинный), и к тому времени, как мы пришли в Гонконг, рана моя зажила и не понадобилось никакого хирурга. Я уже начал отбывать мои вахты третьего помощника, – в то время у нас на парусных судах обычно держали трех помощников капитана.

Много долгих дней протекло, прежде чем мне пришлось оценить ту роковую роль, какую сыграл шрам на голове мистера Меллэра в его судьбе и в судьбе «Эльсиноры». Знай я это в ту минуту, сон капитана Уэста был бы прерван самым необычным образом, ибо к нему явился бы весьма решительный полуодетый пассажир и поднял бы его с постели диким заявлением, что он готов, если нужно, хоть сейчас купить «Эльсинору» со всем ее грузом, но с условием, чтобы она немедленно вернулась в Балтимору.

Теперь же я только еще раз подивился тому, что мистер Меллэр мог прожить столько лет с такой дырой в голове.

Мы еще немного поболтали. Он рассказал мне подробности этого происшествия, рассказал и о других происшествиях в том же роде, случавшихся в море, и тоже с сумасшедшими, какими, по-видимому, кишит все море.

И все-таки не нравился мне этот человек. Ни к тому, что он говорил, ни к его манере говорить нельзя было придраться. Он казался человеком благородным, с широкими взглядами и для моряка достаточно светским. Я легко прощал ему его чрезмерную сладкоречивость и некоторую манерность в обращении, происходившую от его желания быть учтивым. Не в этом было дело. Но, разговаривая с ним, я все время мучительно и, вероятно, интуитивно чувствовал, хоть и не мог видеть в темноте его глаз, что где-то там, за этими глазами, в глубине его черепа сидит в засаде другое существо, которое наблюдает за мной, изучает, подстерегает меня и говорит одно, а думает другое.

Простившись с ним, я сошел вниз с таким чувством, точно только что беседовал с одной половиной некоего двуликого существа. Другая половина молчала. Но я все время ощущал ее присутствие, – я чувствовал, что она все время начеку и шпионит за мной, скрываясь где-то за внешним обликом этого человека.

И опять я не мог заснуть. Я принял кремортартару и наконец решил, что приступы моей крапивницы вызываются теплотой постели. А между тем как только я переставал стараться уснуть, как только я зажигал лампу и начинал читать, раздражение кожи уменьшалось, но стоило мне погасить лампу и закрыть глаза, как все тело начинало чесаться. Так проходил час за часом, и в промежутке между тщетными попытками уснуть я успел пробежать много страниц «Отшельника» Рони – занятие, должен сказать, не слишком веселое, ибо произведение это целиком посвящено микроскопическому, утомительно добросовестному исследованию телесных страданий, нервных потрясений и умственных аномалий Ноэля Сервэза. Я наконец бросил книгу, послал к чертям всех французов, питающих пристрастие к анализу, и до известной степени успокоился на более жизнерадостном и циничном Стендале.

Над моей головой раздавались мерные шаги мистера Меллэра, ходившего взад и вперед. В четыре часа была смена вахт, и я узнал старчески тяжелую поступь мистера Пайка. Полчаса спустя, как раз в тот момент, когда замолчал будильник буфетчика, мгновенно остановленный этим бессонным азиатом, «Эльсинора» накренилась. Мне было слышно, как мистер Пайк зарычал и залаял, отдавая какие-то приказания; а потом до меня донеслись топот и шарканье нескольких десятков ног: очевидно, команда возилась со снастями. А «Эльсинору» кренило все больше и больше, и наконец через мой иллюминатор я увидел воду. И вдруг судно выпрямилось и понеслось вперед с такой быстротой, что сквозь кружок из толстого стекла надо мной я услышал шипенье пены и плеск волн.

Буфетчик принес мне кофе. Уже совсем рассвело, а я еще долго читал, пока Вада не подал мне завтрак и не помог мне одеться. Он тоже жаловался, что ему не давали спать. Его поместили вместе с Нанси в одной из кают средней рубки. По его описанию, положение было такое: в крошечной каюте с железными стенками, когда дверь была заперта, было буквально нечем дышать. А Нанси требовал, чтобы дверь была закрыта. И вот мой Вада, занимавший верхнюю койку, задыхался. По его словам, воздуха было так мало, что лампа, как ни выкручивал он фитиль, начинала мигать и наконец совершенно отказывалась гореть. Нанси храпел как ни в чем не бывало, а он, Вада, не мог сомкнуть глаз.

– Он нечистый, – говорил Вада. – Он свинья. Я больше не буду там спать.

Поднявшись на ют, я увидел, что «Эльсинора» с подобранными парусами несется по бурному морю под низко нависшим, покрытым тучами небом. На вахте был

мистер Меллэр, шагавший взад и вперед совершенно так, как он шагал за несколько часов перед тем, и мне понадобилось некоторое усилие, чтобы сообразить, что он сменялся с вахты от четырех до восьми. Но и за такой короткий промежуток он, по его словам, успел поспать с четырех до половины восьмого.

– Да, чем я могу похвастаться, так это способностью спать, мистер Патгерст, – сказал он. – Я сплю как малый ребенок, а это означает чистую совесть, сэр, – да, чистую совесть.

И пока он изрекал эту плоскость, у меня было неприятное ощущение, что то постороннее существо внутри его черепа все время неотступно наблюдает за мной.

В кают-компании капитан Уэст курил и читал Библию. Мисс Уэст не показывалась, и я благодарил судьбу за то, что к моей бессоннице не присоединилась еще и морская болезнь.

Ни у кого не спрашивая позволения, Вада устроил себе ночлег в дальнем углу большой задней каюты, загородив этот угол основательно скрепленной веревками стеной из моих сундуков и пустых ящиков из-под книг.

День выдался довольно унылый – без солнца; поминутно брызгал дождь, и не смолкал плеск волн о борты. Я не отрывал глаз от открытой двери кают-компании, выходящей на главную палубу, и мне было видно, как несчастных, уже и так насквозь промокших матросов окатывало водой, когда они возились с канатами. Несколько раз я видел, как их валило с ног и швыряло по палубе под брызгами шипящей пены. И среди этих жалких, падавших, цеплявшихся за что попало, перепуганных людей твердыми шагами, ничуть не шатаясь, прямой и спокойный, уверенный в своей силе и своем умении удерживать равновесие, расхаживали или мистер Пайк, или мистер Меллэр. Ни того, ни другого ни разу не свалило с ног. Ни тот, ни другой никогда не отскакивали от летевших брызг пены и даже от тяжелой, набежавшей на палубу волны. Эта двое питались другой пищей, были проникнуты другим духом. Эти двое были железные по сравнению с теми несчастными подонками человечества, которых они подчиняли своей воле.

Перед обедом я задремал на полчаса в одном из больших мягких кресел кают-компания. Если б не сильная качка, я проспал бы несколько часов в этом кресле, так как моя крапивница не мучила меня. Капитан Уэст, в мягких кожаных туфлях, растянулся на диване в той же каюте и спал завидным сном. Но и во сне, по какому-то инстинкту, он держался крепко на месте и не падал на пол. Он даже не выронил недокуренной сигары, которую слегка придерживал двумя пальцами правой руки. Я наблюдал за ним целый час. Я видел, что он крепко спит, и мог только удивляться, как он ухитряется сохранять свое удобное положение на диване и не роняет сигары.

В этот день у нас после обеда не было музыки. Мистер Пайк должен был идти на вторую ночную вахту. И кроме того, как он мне объяснил, нас слишком сильно качало: иголка граммофона шла бы неровно и могла поцарапать столь дорогие его сердцу пластинки.

А я все не спал. Еще одна томительная бессонная ночь, и еще один печальный, пасмурный день, и свинцовое бурное море. И никаких следов мисс Уэст. Ваду тоже укачало, хотя он геройски оставался на ногах и даже пытался прислуживать мне со стеклянными, невидящими глазами. Я отослал его на койку и читал без конца, час за часом, пока не устали глаза и мозг от бессонницы и переутомления не отказался служить.

Капитан Уэст неразговорчив. Чем больше я его вижу, тем больше становлюсь в тупик. Я не нашел еще объяснения тому первому впечатлению, какое он произвел на меня. У него вид и манеры человека, стоящего выше окружающей среды; но, право, я начинаю подозревать, не есть ли это только вид и манера держаться, и ничего больше. Как в первую нашу встречу, прежде чем он заговорил, я ожидал услышать от него слова неизреченной мудрости, проникновенные слова, и не услышал ничего, кроме банальных фраз светского человека, так и теперь я был почти вынужден прийти к заключению, что за всей этой его породистостью, за его орлиным профилем, говорящим о нравственной силе, за всей его изящной, высокоаристократической внешностью не скрывается ровно ничего.

А с другой стороны, я не нахожу причин отбросить мое первое впечатление. Правда, он еще ничем не проявил своей силы, но ничем не проявил и слабости. Минутами я дорого бы дал, чтобы узнать, что таится за этими ясными голубыми глазами. Несомненно одно: моя попытка разгадать его со стороны его умственного багажа не удалась. Попробовал я дать ему прочесть Вильяма

Джемса. Он пробежал несколько страниц и возвратил мне книгу с откровенным заявлением, что она не интересует его. Своих книг у него нет. Он, очевидно, не любитель чтения. Так что же он такое? Я решился пощупать его со стороны политики. Он вежливо слушал, говорил «да» или «нет», и когда я замолчал, совершенно обескураженный, он не сказал ни слова.

Как ни далеки были оба помощника капитана от матросов, еще более далек был от своих помощников капитан Уэст. Я ни разу не слышал, чтобы к мистеру Меллэру, когда они встречались на юте, он обратился хоть с одним словом, кроме: «Доброе утро, сэр». Немногим многословнее были и его разговоры с мистером Пайком, с которым он три раза в день ел за одним столом. Меня даже удивляет то резко бросающееся в глаза почтение, с каким мистер Пайк относится к своему капитану.

И вот еще что: в чем состоят обязанности капитана Уэста? До сих пор все его занятия заключались в том, что он ел три раза в день, выкуривал много сигар и каждый день отмеривал шагами на юте по меньшей мере милю. Вся работа исполняют помощники, и работу тяжелую – четыре часа на палубе и четыре внизу, днем и ночью, без всяких изменений. Смотрю я на капитана Уэста и изумляюсь. Он способен часами валяться в качалке и смотреть в пространство прямо перед собой. Я выхожу из себя, глядя на него, и меня так и тянет спросить – о чем он думает? Я даже начинаю сомневаться, думает ли он вообще о чем-нибудь. Нет, бог с ним, я решительно отказываюсь его понимать.

Безнадежно удручающий день: потоки дождя и потоки морской воды, хлещущие через палубу. Теперь я вижу, что провести судно вокруг мыса Горна с грузом угля в пять тысяч тонн – задача много серьезнее, чем я полагал. «Эльсинора» сидит в воде так глубоко, что снаружи ее можно принять за плывущее бревно. Ее высокие, шестифутовые стальные борты не спасают ее от нападений моря. У нее совершенно нет той поворотливости, какую мы привыкли приписывать парусным судам. Напротив, она до того перегружена, что совсем омертвела, и я прихожу в ужас, когда думаю, сколько тысяч тонн кипящей воды Атлантического океана вкатилось в один только сегодняшний день на ее палубу и какое количество этой воды она выплюнула обратно через свои шпигаты и клюзы.

Да, удручающий день. Два помощника аккуратно сменяли друг друга на палубе и на койках. Капитан Уэст дремал на диване в кают-компании или читал Библию. Мисс Уэст все еще страдает от качки. Я дочитался до изнеможения; в голове от

бессонницы стоит туман, наводящий на меня меланхолию. Даже Вада представляет далеко не веселое зрелище, когда он выползает со своей койки и смотрит на меня стеклянными больными глазами, стараясь угадать, нуждаюсь ли я в его услугах. Мне почти хочется, чтобы и меня тоже укачало. Я и не воображал, чтобы путешествие по морю могло быть таким беспросветно унылым.

Глава XII

Еще одно утро с обложенным тучами небом и свинцовым морем. А «Эльсинора» с наполовину подобранными парусами несется на восток, в самое сердце Атлантики. И за всю ночь мне не удалось поспать и получаса. Если так пойдет и дальше, то в очень короткое время я истреблю весь судовой запас кремортартара. Раньше у меня никогда не бывало такой свирепой крапивницы. Понять не могу, с чего она ко мне привязалась и в чем тут дело. Пока у меня горит лампа и я читаю, она не беспокоит меня, но как только я гашу свет и начинаю дремать, поднимается зуд во всем теле и по всей коже вскакивают волдыри.

Мисс Уэст, может быть, и страдает от качки, но уже, конечно, не страдает спячкой, так как через короткие промежутки она присылает ко мне буфетчика с новой порцией кремортартара.

Сегодня на меня снизошло откровение: я разгадал капитана Уэста. Он – Самурай. Помните вы самураев, описанных Уэллсом в его «Современной Утопии»? Это высшая порода людей, всеведущих хозяев жизни и по праву властвующих над своими собратьями-людьми в своей сверхблагостной мудрости. Так вот таков и есть капитан Уэст. Сейчас я расскажу все по порядку.

Сегодня ветер переменился. В самый разгар юго-западного шквала ветер вдруг повернул к северу на восемь румбов, что равняется четверти круга. Вообразите эту картину. Представьте себе сильнейший ветер, дующий с юго-запада. Представьте себе затем, что еще более свирепый порыв ветра налетает на вас с северо-запада. Капитан Уэст мне объяснил, что мы проходим через циклон, и можно было ожидать еще более сильного ветра, который сделает полный круг.

В непромокаемых сапогах, в кожаных брюках и куртке, я стоял на мостике юта и, перевесившись через перила борта, смотрел, как зачарованный, на горемычных матросов, которых обдавало водой по самую шею и швыряло по палубе точно щепки, в то время, когда они выбирали канаты и крепили паруса, одурелые, ослепленные водой и ветром, перепуганные, исполняя команду мистера Пайка.

Мистер Пайк был среди них, заставлял их работать и работал сам. Он находился в одинаковых с ними условиях, подвергался тем же опасностям, но почему-то его не валило с ног, хотя несколько раз волна накрывала его с головой. Тут было нечто большее, чем простая удача. Два раза я видел его стоящим в голове шеренги матросов, у самого шпиля, и оба раза ревущий Атлантический океан, хлестнув через борт, набрасывался на людей. И каждый раз он один оставался на ногах, придерживая канат на шпигеле, тогда как всех остальных раскидывало в разные стороны.

Меня почти забавляло смотреть, как они кувыркались, точно клоуны в цирке. Но я не понимал всей серьезности положения, пока, во время особенно свирепого напора ветра, когда море все побелело от ярости, два человека не остались лежать на палубе. Их подняли и унесли – одного со сломанной ногой (это был Ларс Якобсен, слабоумный малый откуда-то из Скандинавии), другого – Кида Твиста – в бессознательном состоянии, с окровавленной головой.

Когда ураган разыгрался вовсю, я на моей высокой позиции, куда волны не достигали, был вынужден крепко держаться за перила, чтобы меня не снесло в море. От ветра у меня болело лицо, и мне казалось, что этим ветром выдувает паутину из моего истощенного бессонницей мозга.

И все это время высокий, стройный, сохраняя свой аристократический вид под развевавшимся от ветра клеенчатым плащом, с равнодушным лицом постороннего зрителя, не отдавая никаких приказаний, без всякого усилия принаравливая свое тело к яростным раскачиваниям «Эльсиноры», расхаживал по мостику капитан Уэст.

Вот в эту-то минуту разыгравшегося шторма он и удостоил объяснить мне, что мы проходим через циклон и что ветер может обойти все направления по компасу. Я заметил, что он все время внимательно всматривался в нависшее, обложенное тучами небо. Наконец, в тот момент, когда ветер задул с такой силой, что, казалось, уже нельзя было дуть сильнее, он, по-видимому, нашел в небе то, что искал. И тут я впервые услышал его голос, – голос повелителя моря,

звонкий, как колокол, чистый, как серебро, неизреченно мягкий и звучный. Так должна была звучать труба архангела Гавриила. О, что это был за голос, все собой покрывавший без всяких усилий! Могучие угрозы бури завывали в вантах, трепали канаты о стальные мачты, а там, где сплетались мириады тонких снастей, раздавался дьявольский хор пронзительного визга и свиста. И над всем этим диким хаосом звенел голос капитана Уэста, как голос бесплотного духа, отчетливый, непередаваемо ясный, мягкий, как музыка, и мощный, как голос архангела, зовущий на страшный суд. И этот голос нес указания рулевому и мистеру Пайку, и рулевой и мистер Пайк понимали его и повиновались ему. И мистер Пайк, рыча и лая, передавал приказание несчастным, валившимся с ног людям, и те кое-как поднимались и повиновались ему в свою очередь. И так же, как голос, поражало лицо. Такого лица я никогда не видел раньше. Это было лицо бесплотного духа, безгрешное в своей мудрости, озаренное всем величием силы и спокойствия. Больше всего, может быть, и поражало именно это спокойствие. Это было спокойствие того, кто пронесся сквозь хаос разбушевавшихся стихий, чтобы обрадовать несчастных, побежденных морем людей утешительным словом, что все окончится хорошо. Это не было лицо воителя. Моему взволнованному воображению оно представлялось лицом высшего существа, стоящего вне борьбы враждебных страстей разгоряченной крови.

При блеске молний, под раскаты грома, на крыльях бури прилетел Самурай, и взял в свои руки гигантскую, тяжелую, изнемогающую в борьбе «Эльсинору» со всем ее сложным механизмом, и подчинил матросов, эти отбросы человечества, своей воле – воле высшей мудрости.

И когда смолк его удивительный голос, и пока подвластные ему существа выполняли его веления, капитан Уэст, спокойный, равнодушный, далекий, как случайный гость, от всего окружающего, казавшийся еще стройнее и выше, еще изящнее в своем развевающемся плаще, прикоснулся к моему плечу и указал мне на что-то за кормой, в наветренной стороне. Я взглянул и не увидел ничего, кроме вспенившегося моря и гряды темных туч на краю горизонта. И в тот же миг ветер, дувший с юго-запада, прекратился. Не только шквал затих, – затихло всякое движение воздуха, настала полная тишина.

– Что это? – вырвалось у меня, и я чуть не упал, выведенный из равновесия внезапным прекращением ветра.

– Перемена ветра, – отвечал он. – Вот идет новый шквал.

И он пришел с северо-запада, – такой свирепый порыв ветра, такой ошеломляющий атмосферический толчок, что «Эльсинора» опять закачалась и затряслась, протестуя всеми своими снастями. Порывом ветра меня прижало к перилам. Я чувствовал себя какой-то соломинкой. Я стоял лицом к ветру; в мои легкие ворвалась струя воздуха, так что я задохнулся и должен был отвернуться, чтобы перевести дух. Человек у штурвала снова прислушивался к голосу архангела Гавриила; внизу, на палубе, прислушивался к нему и мистер Пайк и повторял веления этого голоса, а капитан Уэст, легко балансируя на ходу, наклоняясь вперед навстречу ветру, спокойно, не спеша шагал по мостику взад и вперед.

Это было великолепно. Теперь впервые я узнал море и людей, повелевавших им. Капитан Уэст показал и оправдал себя. В самый критический момент разыгравшегося шторма он принял на себя ответственность за «Эльсинору», а мистер Пайк стал тем, чем он был в действительности, – застрельщиком в цепи стрелков, погонщиком рабов, служившим существу другого, высшего мира – Самураю.

Еще минуты две капитан Уэст ходил взад и вперед, то слегка наклоняясь навстречу ветру, то выпрямляясь, когда поворачивал назад, а затем направился вниз, в каюту. На секунду он остановился перед рубкой, положив руку на ручку ее двери, и в последний раз окинул испытующим взглядом побелевшее от ярости море и хмурое, гневное небо, побежденные им.

Спустя десять минут я тоже сошел вниз. Проходя мимо открытой двери кают-компании, я заглянул туда и увидел его. На нем уже не было ни непромокаемых сапог, ни плаща; его ноги в мягких туфлях были вытянуты на циновке; он сидел, откинувшись назад, в кожаном кресле и, ушедший в свои мысли, курил с мечтательным видом – с широко открытыми, невидящими глазами, или если они и видели, то нечто такое, что было вне качающихся стен каюты и вне моего кругозора. Я проникся глубоким почтением к капитану Уэсту, хотя и знал его теперь меньше, чем даже тогда, когда я думал, что совсем его не знаю.

Не удивительно, что мисс Уэст еще не оправилась от морской болезни, когда океан превратился в какую-то фабрику, где работают переменные шквалы, воздвигая целые горы встречных валов. Поразительно стойко борется бедная «Эльсинора», вся содрогаясь от усилий, зарываясь носом в воду и переваливаясь с боку на бок со своими высокими мачтами и пятью тысячами тонн мертвого груза. Мне она представляется самой неустойчивой посудиною, какую только можно вообразить; но мистер Пайк, которому я теперь часто сопутствую в его прогулках по палубе, уверяет, что уголь – очень хороший груз и что «Эльсинора» нагружена равномерно, так как за нагрузкой наблюдал он сам.

Иногда он вдруг прерывает свое бесконечное хождение, останавливаясь, чтобы полюбоваться на сумасшедшие проделки «Эльсиноры». Я вижу, что они ему нравятся, потому что глаза его начинают блестеть и все лицо озаряется внутренним светом, граничащим с экстазом. Я убежден, что «Эльсинора» занимает не последнее место в его сердце. Он говорит, что она ведет себя восхитительно, и в такие минуты чуть ли не в сотый раз повторяет, что за нагрузкой ее присматривал он сам.

Любопытно, до чего этот человек за долгие годы своих скитаний по морям привык угадывать движения моря. В этом хаосе бурных перекрещивающихся волн несомненно есть свой ритм. Я чувствую этот ритм, но не могу его уловить. А мистер Пайк знает его. Сегодня, пока мы с ним ходили по палубе и я не ожидал никаких особенных сюрпризов от «Эльсиноры», он несколько раз хватал меня за руку, когда я терял равновесие оттого, что она начинала вдруг крениться и все больше и больше валилась на один борт. Казалось, этому не будет конца, но всякий раз это кончалось неожиданным резким толчком, после чего она начинала валиться в обратную сторону. Я тщетно старался понять, как мистер Пайк предугадывает наступление таких припадков, и в конце концов склонился к такому мнению, что он не предугадывает их сознательно. Он чувствует их, узнает чутьем. Все, что касается моря, впиталось в него.

К концу сегодняшней нашей прогулки я провинился перед ним, нетерпеливо сбросив его лапу, неожиданно схватившую меня за плечо. Перед тем «Эльсинора» целый час не проделывала своих гимнастических упражнений, – по крайней мере, я ничего не замечал. Поэтому я и сбросил его руку, поддерживавшую меня. Но в следующий момент «Эльсинора» вдруг легла на бок и всем своим десятифутовым правым бортом погрузилась в воду выше перил, а я покатился по палубе и ударился о стенку капитанской рубки. У меня захватило дух от испуга, и до сих пор болят ребра и плечо. Но как он узнал, что это должно

было случиться?

Сам он никогда не шатается от качки, ему не грозит опасность упасть. Напротив, у него такой избыток уверенности в своем равновесии, что в критические минуты он делится им со мной. Я начинаю все больше проникаться уважением – не к морю, а к морякам, – не к тому мусору человечества, не к тем рабам, которые заменяют матросов на наших судах, к настоящим морякам, стоящим над ними, – к капитану Уэсту, к мистеру Пайку и – да, да, – и к мистеру Меллэру, хотя я его и не люблю.

Уже к трем часам пополудни ветер, все еще дувший с силой шквала, опять переменялся и задул с юго-запада. На вахте стоял мистер Меллэр. Он сошел вниз и доложил капитану Уэсту о перемене ветра.

– В четыре часа мы повернем судно через фордевинд, мистер Пагерст, – сказал он мне. – Это стоит посмотреть: интересный маневр.

– Зачем же ждать до четырех? – спросил я.

– Так приказал капитан, сэр. В четыре часа смена вахт. Нам для работы нужны обе смены, а вызывать сейчас вторую смену неудобно, так как она отдыхает внизу.

И когда обе смены были на палубе, из капитанской рубки вышел, опять в своем клеенчатом плаще, капитан Уэст. Мистер Пайк, стоя на мостике, распорядился людьми, орудовавшими на палубе и на корме с бизань-брасами, а мистер Меллэр прошел вперед со своей сменой на работу с фок- и грот-брасами. Это был красивый маневр – игра рычагов, посредством которой ослабляли силу ветра в задней части судна, чтобы всю ее использовать в передней его части.

Капитан Уэст не отдавал никаких приказаний и, судя по его виду, пребывал в полном неведении происходившего. Опять он был привилегированным пассажиром, совершавшим рейс для поправления здоровья. И несмотря на это, я знал, что оба его помощника не совсем приятно чувствуют себя в его присутствии и напрягают внимание, стараясь блеснуть перед ним своим искусством.

Теперь я знаю, какую роль играет капитан Уэст на борту «Эльсиноры». Он – ее мозг. Он главный стратег. Управление судном дальнего плавания требует большего, чем отбывание вахт и отдача приказаний матросам. Матросы – пешки, а два помощника капитана – фигуры, с которыми капитан Уэст ведет игру против моря, ветра, времени года и морских течений. Он тот, кто знает, а они – его язык, с помощью которого он передает свои знания.

Скверная ночь, – одинаково скверная и для меня, и для «Эльсиноры». Ей достается жестокая трепка от бушующего Атлантического океана. Измученный бессонницей, я заснул очень рано, но через час проснулся вне себя от нестерпимого зуда: вся кожа у меня горела и была в волдырях. Опять кремортартар, опять бесконечное чтение, опять тщетные попытки уснуть, и наконец, в конце пятого часа утра, когда буфетчик подал мне кофе, я завернулся в халат и, как неотпетая душа, перекочевал в кают-компанию. Там я задремал было в мягком кресле и был выброшен сильным размахом неожиданно накренившегося судна. Я попробовал прилечь на диван и мгновенно заснул, но так же мгновенно очутился лежащим на полу. Я убежден, что, когда капитан Уэст спит на диване, он спит только наполовину, иначе – как мог бы он удержаться в таком непрочном положении? Или он, как и мистер Пайк, весь пропитался жизнью моря.

Я перекочевал в столовую, уселся поплотнее на привинченный к полу стул и заснул, положив голову на руки, а руки на стол. В четверть восьмого буфетчик разбудил меня, при коснувшись к моему плечу: пора было накрывать на стол.

Отяжелевший от слишком короткого, не вовремя прерванного сна, я оделся и выполз на корму в надежде, что ветер прочистит мои мозги. Мистер Пайк был на вахте и ходил взад и вперед своими твердыми, старчески тяжелыми шагами. Это не человек, а какое-то чудо природы: шестьдесят девять лет, вся жизнь прошла в тяжелом труде, а силен, как лев. За одну только прошлую ночь вот сколько часов он был на работе: с четырех до шести пополудни на палубе, с восьми до двенадцати и с четырех до восьми утра опять на палубе. Через несколько минут он должен был смениться, но в полдень будет опять там дежурить.

Я облокотился на перила и стал смотреть вперед вдоль палубы, представлявшей довольно унылую картину. Все шпигаты и клюзы были открыты, чтобы ослабить напор океана, поминутно заливавшего палубу. Между потоками воды виднелись полосы ржавчины. На правом борту сорвало деревянный шпиль, на котором держались бизань-ванты, а по палубе катался огромный клубок перепутавшихся

талей[12 - Тали – это специальные приспособления, предназначенные для подъема, опускания, а также горизонтальной транспортировки груза.]. Тут спорадически работало, распутывая эти тали и ежеминутно рискуя жизнью, с полдюжины людей, и в том числе Нанси.

Терпеливое страдание было написано на его лице, и всякий раз, как высокая стена воды, перехлестнув через борт, низвергалась на палубу, он первый бросался к спасательной веревке, протянутой через все судно от носа до кормы.

Не отставали от него и остальные: всякий раз, как их накрывало волной, они бросали работу и хватались за веревку – ради безопасности, если можно считать себя в безопасности, когда ты держишься обеими руками за веревку, а ноги уезжают из-под тебя и ты ложишься враспяжку, обдаваемый шипящей пеной ледяной воды. Неудивительно, что эти люди имели жалкий вид. Уж, кажется, в достаточно плохом состоянии были они, когда вступили на борт «Эльсиноры», теперь же, после нескольких дней тяжелой работы, когда они часами мокли и замерзали на ветру, они были окончательно ни на что не похожи.

Иногда мистер Пайк, как бы заканчивая свой круг, на минуту останавливался и, прежде чем повернуть обратно, издавал что-то вроде сардонического фырканья по адресу несчастных матросов, копошившихся внизу. У этого человека черствое сердце. Сам он железный, ему все нипочем, и у него нет сострадания к этим обойденным судьбой жалким существам, которым недостает его железной силы.

Между ними я заметил и того глухонемого скорченного малого, лицо которого я описал, сравнивая его с лицом пришибленного, слабоумного фавна. Его блестящие, прозрачные глаза выражали последнюю степень страдания; его измученное, худое лицо еще больше осунулось и похудело. Но вместе с тем лицо это дышало избытком нервной энергии и трогательного желания угодить своей работой. Я не мог не заметить, что, несмотря на свое безнадежное слабоумие и исковерканное, тщедушное тело, он работал больше всех, всегда последним хватался за спасательную веревку, первым бросал ее и по колено или по пояс в бурлящей воде гонялся за огромным клубком спутанных талей, и через силу тащил эту страшную тяжесть куда-нибудь на свободное место.

Я сказал мистеру Пайку, что, по-моему, люди еще больше похудели и ослабели с того дня, как пришли на судно. Он на минуту прекратил свою прогулку, посмотрел на них своим оценивающим взглядом скотопромышленника и проговорил с отвращением:

– Конечно, и похудели, и ослабели. Лядаший народ – что и говорить! В чем только душа держится. Ни капли жизненной силы. На такого дунь, и он свалится с ног. Наш брат в мое время разжирел бы на такой работе. Но мы-то не жирели, – мы работали вовсю и не успевали жиреть. Мы всегда держали себя в полной боевой готовности. Ну, а эти подонки, – на что они годны?.. Помните вы, мистер Патгерст, того человека, с которым я заговорил в первый раз нашего плавания? Он еще сказал тогда, что его зовут Чарльз Дэвис.

– Это тот, про которого вы подумали, что с ним что-то неблагополучно? – спросил я.

– Да, да. Так оно и оказалось. Теперь он в соседней рубке вместе с сумасшедшим греком. За все плавание он не прикоснется к работе. Это форменный клинический случай, я вам скажу. Говорят, можно изрешетить человека пулями, и он останется жив. А в этом малом такие дыры, что можно засунуть кулак. Я уж и не знаю, что у него – сквозные ли язвы, рак или раны от пушечных ядер. И у него хватает наглости уверять, будто с ним это сделалось уже после того, как он поступил к нам на судно.

– А у него и раньше были эти раны?

– Давным-давно были. Поверьте моему слову, мистер Патгерст, он болен уже много лет. Но это удивительный парень. Первые дни я следил за ним: посылал его и на ванты, и в трюм убирать уголь – словом, всячески испытывал его, и он, не сморгнув, исполнял все, что ему было приказано. И только после того, как он несколько дней пробыл в воде по самую шею, он наконец не выдержал и слег. А теперь он освобожден от работы на все время плавания. И за все время получит жалованье, и будет спокойно спать всю ночь, и палец о палец не ударит. О, это, должно быть, продувной малый, если он нас провел, как последних дураков. А в результате на «Эльсиноре» еще одним матросом меньше.

– Еще одним? – воскликнул я. – Разве тот грек умирает?

– И не думает. Через несколько дней он будет стоять у штурвала. Я говорю о тех двух других хулиганах. Из дюжины таких, как они, не выкроить и одного настоящего человека. Я говорю это не затем, чтобы пугать вас, потому что в этом нет ничего страшного, а только чтобы сказать, что в это плавание у нас здесь будет сущий ад. – Он помолчал, задумчиво разглядывая свои

искалеченные суставы, как будто высчитывал, много ли еще в них осталось боевой энергии, потом вздохнул и добавил: – Ну, словом, я вижу, на мою долю достанется довольно работы.

Выражать сочувствие мистериу Пайку бесполезно; он от этого становится еще мрачнее. Я было пробовал, и вот что он на это сказал:

– Посмотрели бы вы на того болвана с искривленным хребтом, что дежурит в смене мистера Меллэра. Он совершенный олух и не нюхал моря, и весу-то в нем не больше ста фунтов; да и стар уже, – ему по крайней мере пятьдесят лет, – вдобавок калека, с искривленной спиной. А на «Эльсиноре» – как вам нравится! – он сходит за опытного моряка. Но что всего хуже – он лезет вам в нос, грубит или подлизывается. Это – ехидна, оса. Он ничего не боится, потому что знает, что ты не смеешь ударить его, чтобы как-нибудь не сломать. О, это такое золото!.. Другой такой гадины днем с огнем не сыскать. Если вы не узнаете его по всем этим признакам, так знайте, что зовут его Муллиган Джэкобс.

После завтрака, во время вахты мистера Меллэра я опять вышел на палубу и открыл еще одного настоящего работника. Он стоял на руле. Это был маленький стройный человек лет сорока пяти, с крепкими мускулами, смуглый, с черными, седеющими на висках волосами, с большим орлиным носом и живыми, умными черными глазами.

Мистер Меллэр подтвердил мое впечатление, сказав, что это лучший матрос в его смене, настоящий моряк. Говоря о нем, он сказал: «этот мальтийский кокни[13 - Кокни – пренебрежительно-насмешливое прозвище уроженца Лондона из средних и низших слоев населения.]», и когда я спросил, почему – мальтийский, он ответил:

– Во-первых, потому, что он мальтиец, а во-вторых, он говорит как подлинный кокни, точно он родился в самом сердце Лондона. И уж поверьте, он знал, где раки зимуют, еще прежде, чем пролепетал свое первое слово.

– А что, купил О’Сюлливан сапоги у Энди Фэя? – спросил я.

В эту минуту на юте появилась мисс Уэст, все такая же розовая, полная жизни, и уж конечно, если она и страдала морской болезнью, то теперь от этой болезни не оставалось и следов. Когда она подходила ко мне, чтобы поздороваться, я не

мог еще раз не заметить, как свободны и эластичны все ее движения и какая у нее чудесная, здоровая кожа. Ее шея, выступавшая из свободного матросского воротника и открытого спереди джерси[14 - Джерси – вид одежды из упругого мягкого трикотажного полотна петельного переплетения из различных материалов.], моим помутневшим от бессонницы глазам показалась даже чересчур крепкой. Ее тщательно причесанные волосы лежали гладким бандо[15 - Бандо – женская прическа, простая и строгая: расчесанные на прямой пробор пряди волос спускались вдоль щек, а сзади собирались в пучок.] под белой вязаной шапочкой. И вообще вся она производила впечатление такой заботливости о своей внешности, какой никак нельзя было ожидать от дочери морского волка, а тем более от женщины, только что поднявшейся с постели после приступа морской болезни. Жизненная сила – вот разгадка этой натуры, а основной ее тон – жизненная сила и здоровье. Готов побиться об заклад, что в этой практичной, уравновешенной, умной головке никогда не зарождалось ни одной болезненной мысли.

– Ну что, как вы себя чувствуете? – спросила она и, прежде чем я успел ответить, весело затараторила: – А я отлично спала эту ночь. Я еще вчера была совсем здорова, но решила еще денек поваляться и хорошенько отдохнуть. Десять часов спала, не просыпаясь. Недурно? Как вы думаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Сарра Бернар (1844–1923) – знаменитая французская драматическая актриса, известная американцам по ее гастролям в Америке.

2

Суровый Мыс – care stiff (англ.); так английские моряки называют мыс Горн.

3

Битсы – вертикальные стойки около мачты.

4

Брашпиль – палубный механизм лебёточного типа.

5

Hail and Farewell (англ.) – здравствуй и прощай.

6

Blase (фр.) – пресыщенный; скептический.

7

Молокаи – один из Гавайских островов, который вплоть до 1969 г. был одной из крупнейших в мире изолированных колоний для больных проказой.

8

Вернон Ли (настоящее имя Вайолет Паже) – английская писательница, переводчица, автор многочисленных эссе об искусстве. Джеймс Уильям – американский философ-идеалист, психолог; представитель радикального эмпиризма, один из основателей прагматизма.

9

Кремортартар – белый винный камень, в очищенном виде имеет довольно широкое применение в медицине.

10

Показания барометра даны в дюймах ртутного столба (inHg).

11

Пиллерс – деревянный или металлический брус (стойка), поддерживающий вышележащую палубу судна.

12

Тали – это специальные приспособления, предназначенные для подъема, опускания, а также горизонтальной транспортировки груза.

13

Кокни – пренебрежительно-насмешливое прозвище уроженца Лондона из средних и низших слоев населения.

14

Джерси – вид одежды из упругого мягкого трикотажного полотна петельного переплетения из различных материалов.

15

Бандо – женская прическа, простая и строгая: расчесанные на прямой пробор пряди волос спускались вдоль щек, а сзади собирались в пучок.

Купить: <https://tellnovel.com/dzhek-london/myatezh-na-el-sinore>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)